

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (29)
2021** ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2021

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Т. В. Евстюничева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

*Владимирский государственный
университет имени*

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

Владимир, ул. Горького, 87,

ВлГУ, каб. 08-1

Подписано в печать 25.06.21

Заказ №

Выход в свет

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 10,7

Тираж 500 экз.

*Издательство Владимирского
государственного университета*

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых.

600000, Владимир,

ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиозно-
ведения (зам. главного редактора серии)
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор Московского педагогического
государственного университета
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионове-
дения Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

В. В. Митрофанов «Часто приходится слышать, что я – “Вихованец российский”»: письма Н. Е. Макаренко С. Ф. Платонову	5
Н. В. Митюков Флот Дулесовского леспромхоза в 1940-е годы	20
В. Л. Мыц Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223 – 1278 гг.....	26
М. Ф. Прохоров Сельскохозяйственное производство помещичьих крестьян Владимирского края в середине XVIII века.....	37
А. П. Ярков Касимовские татары и Сибирь	45

ФИЛОЛОГИЯ

А. В. Марков Искусствоведческая образность «Директории» Д. Голышко-Вольфсона	53
Е. Ю. Муратова Образ последнего дня Помпеи в картине Карла Брюллова и в современной поэзии.....	61

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, М. С. Лютаева О космосе в храме (на материале истории Владимирского планетария, расположенного в здании Николо-Кремлевской церкви)	68
Л. Е. Жукова «Бхагавад-гита» как источник религиозно-философских идей Свами Вивекананды.....	78
Сведения об авторах.....	90

CONTENTS

HISTORY

V. V. Mitrofanov

«You Have Frequently to Hear that I am “Russian Vikhovanets”»: Letters
of N. Ye. Makarenko to S. F. Platonov..... 5

N. V. Mitiukov

Fleet of the Dulesovo Timber Industry Enterprise in the 1940-s 20

V. L. Mytz

Main Stages of the Mongol Conquest of Taurica: 1223 – 1278 26

M. F. Prokhorov

Agricultural Production of Landlord Peasants of the Vladimir Region
in the Middle of the XVIII Century 37

A. P. Yarkov

Kasimov Tatars and Siberia 45

PHILOLOGY

A. V. Markov

Art Criticism Imagery of «Directory» by D. Golyenko-Wolfson 53

E. Yu. Muratova

Image of the Last Day of Pompeii in the Painting of Karl Bryullov
and in Modern Poetry..... 61

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, M. S. Lyutaeva

About Space in the Temple (Based on the History of the Vladimir Planetarium,
Located in the Building of the Nikolo-Kremlin Church) 68

L. E. Zhukova

«Bhagavad Gita» as a Source of Religious and Philosophical Ideas
of Swami Vivekananda 78

Contributors 90

«ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ СЛЫШАТЬ, ЧТО Я – «ВИХОВАНЕЦ РОССИЙСКИЙ»»: ПИСЬМА Н. Е. МАКАРЕНКО С. Ф. ПЛАТОНОВУ

Вводятся в научный оборот письма известного российского и советского археолога украинского происхождения Н. Е. Макаренко (см. приложение к статье). Они позволяют проследить его коммуникативные связи с выдающимся историком С. Ф. Платоновым, которые охватывают период с начала 1900-х гг. до 1928 г. Ученые встречались на многочисленных научных собраниях столицы и провинции, например Русского отделения Русского археологического общества, Археологической комиссии, ряда архивных комиссий, на конференции в Херсонесе. Письма позволяют существенно уточнить факты биографии и научных изысканий Н. Е. Макаренко, в них отражена мрачная моральная обстановка 1920-х гг. в преддверии «Академического дела».

Ключевые слова: археология, Н. Е. Макаренко, С. Ф. Платонов, Эрмитаж, раскопки, архивные материалы, переписка.

Среди многочисленных корреспондентов выдающегося отечественного историка С. Ф. Платонова немало было тех, кто занимался археологией. Среди них – «один из лучших наших археологов» [2, с. 104] А. А. Спицын, бывший и его близким другом [21], многолетний председатель Императорской археологической комиссии (ИАК) А. А. Бобринский [22], а также Н. Е. Макаренко – российский и советский археолог, имевший украинские корни. Родился он в Харьковской губернии в 1877 г., расстрелян в СССР в 1938 г. Около трех лет проживал в кратковременных неустойчивых государственных образованиях (Украинской народной республике и Украинской державе).

Становление же Н. Е. Макаренко как художника, историка, археолога, искусствоведа, музейного работника произошло в Санкт-Петербурге. Здесь он учился в школе технического рисования имени А. Штиглица и Археологическом институте. Исследовательскую деятельность начал в Эрмитаже, активно сотрудничал с ИАК, а 16 января 1918 г. был утверждён членом совета Императорской археологической комиссии – экспертом по отделу русских древностей [7, с. 1093 – 1094].

После трагических событий 1930-х гг., которые привели к гибели учёного, его имя было «вычеркнуто... из истории и археологии» [37, с. 188]. Сегодня научное наследие, организа-

торская и популяризаторская деятельность Н. Е. Макаренко всё чаще становятся объектом изучения. Его имя по праву нашло своё достойное место в ряде авторитетных изданий [13, с. 52 – 53], не раз оно упоминается и в капитальной монографии, посвящённой ИАК [7, с. 93, 212, 226, 231, 232, 363, 365]. О высоком авторитете Н. Е. Макаренко в Комиссии свидетельствует включение его имени в список из восьми сотрудников, награжденных юбилейными серебряными жетонами в честь её полувекового юбилея, а также приглашение на обед в честь 25-летия служения А. А. Бобринского председателем ИАК [Там же, с. 226, 231].

Прежде всего Н. Е. Макаренко известен как археолог. География его раскопок охватывает ряд регионов Российской империи: Тверскую, Воронежскую, Владимирскую, Новгородскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Оренбургскую губернии, активно вел раскопки он и в советское время.

Порой ИАК поручала ученому продолжение или окончание уже начатых раскопок, чтобы исправить промахи предшественников: например, в Оренбургской губернии у поселка Красногорского (1903), в Полтавской губернии (1912) – для изучения погребения хана Курбата («Перещепинский клад») [27], для исследования Частых курганов в Воронежской губернии (1912). Дважды приезжал он на широко известный курган Солоха, где выявил много расхождений с представленным отчетом о раскопках [7, с. 376].

В 1908 г. продолжил раскопки, начатые А. А. Спицыным у с. Мастюгино Воронежской губернии [Там же, с. 232, 263].

Владимирскую губернию Н. Е. Макаренко начал изучать еще в 1901 г. Затем местная Губернская ученая архивная комиссия (ГУАК) пригласила его раскапывать курганы. Этот факт был отмечен и в «Отчете» комиссии: «Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам явились результатом трудов Н. Е. Макаренко, приглашенного Архивной Комиссией для производства означенных работ, при приготовлении Комиссии к III Областному Съезду» [32, с. 12 – 13]. Речь идёт о неолитической стоянке [16, с. 1 – 63]. Осмотрев место раскопок, Н. Е. Макаренко сразу увидел, что оно подверглось разорению местными жителями, что и было указано в его работе, где он писал: «...местные крестьяне знают цену кремневым поделкам и сбывают их весьма легко» [Там же, с. 7]. После этой поездки были предприняты меры по охране ценного археологического памятника. По результатам изысканий в 1908 г. доклад Н. Е. Макаренко «Новленский и Заколпский могильники» был прочитан А. В. Смирновым на заседании Комиссии [32, с. 16], а обнаруженные находки поступили в местный музей: «Из раскопок и находок в земле: от Н. Е. Макаренко – 3 таблицы с нашитыми в них каменными орудиями, найденными около д. Волосова,

Муром[ского] уезда; найденное в Троицком валу, во Владимире: каменный молоток-топор, каменное кресало, разбитые стеклянные ожерелья» [32, с. 12 – 13], – читаем в «Отчете» Владимирской ГУАК.

Публикация Н. Е. Макаренко о раскопках Владимирских курганов не потеряла актуальности и в наше время, о чем свидетельствуют ссылки на нее исследователей. Так, Н. Н. Воронин отмечал, что Н. Е. Макаренко, осматривая городище, расположенное в устье р. Нерли, «носящее у населения различные названия: Чаша, Дворец, Двор, Добросельский вал», «издал и весьма неточный его план» [4, с. 77]. Выводы и фактический материал из публикации о владимирских раскопках используются в работах и современных исследователей [8].

Из статей последнего времени о самом учёном укажем на ряд основательных публикаций А. Н. Усачука. В одной из них автор касается уникального альбома рисунков Н. Е. Макаренко, здесь же перечислена и наиболее значимая библиография по теме [35].

Появились исследования, где объектом изучения являются отдельные направления разноплановой деятельности Н. Е. Макаренко. Например, Е. И. Сливина касается его музейной работы и называет его «выдающимся археологом» [29, с. 21].

Творчеством Н. Е. Макаренко занимаются и современные украинские историки [19]. В одном издании приведен список трудов ученого за 1900 – 1933 гг., состоящий из 150 названий,

[3, с. 20 – 27]. Но в указанном источнике немало недостатков: например, представлен список из 22 публикаций только украинских авторов; отсутствуют ссылки на источники при цитировании, в том числе автобиографии Н. Е. Макаренко; нарушена хронология в названии учебных заведений, которые он окончил; приведены противоречивые сведения по датировке отъезда из Петрограда и др. Мотив переезда вообще политизирован: «С образования Украинской Народной Республики Н. Макаренко оставляет обжитой Петербург и спешит в Киев. Он надеялся быть полезным для молодого украинского государства» и т. п.

Встречаются работы компилятивного характера, например публикации Н. А. Нищенко, П. Ю. Соколовой, которые повторяют давно известные факты из биографии и научных изысканий археолога [25; 30].

Кроме того, нет оснований для категоричного неаргументированного утверждения Н. А. Нищенко о том, что «по настоящему талант ученого раскрылся в Украине» [25, с. 16]. В этой связи стоит напомнить, что А. С. Федотов называет Н. Е. Макаренко уже среди «известных» специалистов Московского археологического общества (член-корреспондент с 10 мая 1913 г.), вошедших в Общество Возрождения Художественной Руси (9 апреля 1915 г.) [36]. Признанным ученым Н. Е. Макаренко сделался задолго до переезда из Петрограда. А археологические раскопки, позволившие открыть «роменскую культуру», проводились в 1901,

1906 г. В это время археологу было только 30 лет.

Почётное место Н. Е. Макаренко в учёном сообществе подтверждается избранием его в научные учреждения и общества (кроме вышеназванных): так, в 1905 – 1919-м гг. он состоял действительным членом Археологического института, Императорского Русского археологического общества (РАО) (член-корреспондент с 1907 г., действительный член с 1910 г.), членом-корреспондентом Общества архитекторов-художников, членом Археологической комиссии, Русского географического общества, товарищем председателя Комиссии по изучению орнамента народов России при Русском географическом обществе, сотрудничал с Отделением русской и славянской археологии РАО. Ученый был известен далеко за пределами столицы, о чём свидетельствует его избрание в состав провинциальных научно-археологических обществ (он состоял в Тверской, Оренбургской (с 1903 г.), Черниговской и Полтавской (с 1908 г.) ГУАК, являлся почетным членом Псковского археологического общества).

В ряде изданий ГУАК Н. Е. Макаренко публиковал свои исследования по итогам проведенных им археологических раскопок [14].

Заметим, что в состав Оренбургской ГУАК он был избран, когда еще был только действительным студентом Археологического института. По заданию ИАК в 1903 г. он приезжал в губернию для продолжения раскопок.

Примечательно, что сам археолог присутствовал на заседании Комиссии 27 июля. Главной причиной собрания было «прибытие командированного ИАК Н. Е. Макаренко, производившего раскопки Красногорского кургана и двух Бердских курганов» [34, с. 146]. На этом же заседании его избрали в члены Комиссии, просили опубликовать результаты раскопок в её «Трудах» и быть представителем на Втором областном археологическом съезде в Твери [33, с. 117]. Было известно, что молодой археолог проводил предварительные раскопки в преддверии этого значимого события. В это же время Н. Е. Макаренко осмотрел и местный музей.

Вовлечение в научный оборот эпистолярного наследия Н. Е. Макаренко следует считать важным направлением в раскрытии малоизвестных фактов его научной биографии. Одна из первых публикаций подобного плана с перечислением значительного количества трудов ученого увидела свет почти 30 лет назад [6]. В последние годы эта кропотливая работа активизировалась. Так, С. В. Кузьминых и А. Н. Усачук указали на архив крупного финского археолога, специалиста в области истории бронзового и раннего железного веков А. М. Тальгрена, где хранятся 32 письма и 6 открыток Н. Е. Макаренко за период с марта 1917 по сентябрь 1935 г. [9]. Много сокровенно личного и особенно описание результатов раскопок находим в этих письмах. Недавно сделан обзор 16 корреспонденций за 1927 – 1933 гг.

писем Н. Е. Макаренко, адресованных английскому историку античности, известному слависту Э. Х. Миннзу [10]. Их знакомство произошло в Санкт-Петербурге, где последний проходил стажировку в библиотеке ИАК, Эрмитаже. Письма позволяют устранить некоторые неточности, которые встречаются в ряде работ.

В историографии неоднозначно решается вопрос о времени переезда Н. Е. Макаренко в Киев. П. Ю. Соколова указывает на 1918 г. [30, с. 88], Н. А. Нищенко – на 1919 г. [25, с. 16 – 17]. Последняя дата указана и в известном словаре под ред. Я. В. Василькова, М. Ю. Сорокина [12, с. 235]. В украинском издании в одном месте указан 1919 г. – «переїздить до Києва», а в другом месте – «1918 року М. О. Макаренко переїхав до Києва» [3, с. 10, 14].

Ответ находим в письме Н. Е. Макаренко, датированном 31 октября 1927 г., где он прямо указывает год отъезда из Петрограда: «Эрмитаж я оставил лишь в 1919 году и переехал в Киев» [10, с. 243].

В Киеве, где было мало специалистов такого уровня, Н. Е. Макаренко включился в активную работу: в 1919 – 1921-м гг. занимал должность приват-доцента по кафедре археологии Украины Киевского университета, одновременно с 1919 по 1929 г. возглавлял секцию искусств Всеукраинской академии наук (ВУАН), был профессором Украинской государственной академии искусств, членом Археологической комиссии Всеукраинского археологического комитета. В 1920 – 1924-м гг. он

немало сделал на посту директора Музея западного и восточного искусства. «Директором я состоял до момента, когда меня заменили коммунистом, ничего общего с музейным делом не имеющим» [9, с. 197], – читаем в письме Э. Х. Миннзу, датированном 31 октября 1927 г. После увольнения из музея ученый сосредоточился на раскопках памятников трипольской культуры. Самым значительным открытием в 1930 г. следует считать Мариупольский неолитический могильник. В письме от 12 октября 1930 г. в Хельсинки сам Н. Е. Макаренко так оценивал свой успех: «...это первый у нас в Союзе, он займёт выдающееся место» [10, с. 245]. Результатом раскопок стала последняя его монография [18].

А. Н. Усачук в ряде работ справедливо назвал 1928 год в жизни Н. Е. Макаренко «тёмным периодом», приводя следующие аргументы: «отсутствие постоянной работы, конфликты с руководством ВУАН, которое «противодействовало ассигнованиям» на финансирование раскопок на Звенигородчине, под Луганском, попытка перевести ученого в группу сотрудников с меньшей квалификацией». К таким серьёзным проблемам добавились трагическая гибель сына, обострившиеся болезни [35, с. 319].

К этому периоду относится и основная часть писем Н. Е. Макаренко, адресованных С. Ф. Платонову. Они хранятся в личном фонде академика в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ); насчитывается всего 5 корреспонденций, да-

тируемых 1914 – 1928-м гг., объемом 13 л. [26, д. 3462, л. 1 – 13]. Здесь же имеется письмо, написанное С. Ф. Платоновым от имени Русского отделения, с благодарностью лицам, содействовавшим раскопкам, проводимым Н. Е. Макаренко.

Ученые были знакомы задолго до начала переписки. На это указывает упоминание имени Н. Е. Макаренко в письме А. А. Спицына от 18 марта 1903 г., адресованном С. Ф. Платонову: «Макаренко вышел из больницы – значит, остальные рисунки пойдут быстро» [Там же, д. 4275, л. 17]. А 25 ноября 1906 г. Н. Е. Макаренко делал доклад в Русском отделении на тему «Археологические разыскания в Полтавщине в 1906 г.» [Там же, д. 888, л. 9].

Первое же короткое письмо касается Тверского клада [31], попавшего в Эрмитаж, и где готовилось его описание. Многое про эту уникальную находку становится известно из переписки С. Ф. Платонова с отцом обнаружившего сокровища А. И. Иванова – председателем Тверской ГУАК И. А. Ивановым. 7 октября 1908 г. он высказывал просьбу С. Ф. Платонову: «Единственное наше желание по этому предмету заключается лишь в том, чтобы клад был издан научным образом. А что он этого стоит, в этом Вы скоро сами убедитесь» [1, с. 122, 192]. Для передачи клада, датированного еще домонгольским периодом, готовилась аудиенция с великим князем Константином Константиновичем – президентом Академии наук. «Помимо материальной ценности (около 50 ф[унтов]

серебра высокого качества), клад имеет большое научное значение, так как один или два предмета могут считаться униками», – читаем в письме И. А. Иванова от 30 октября 1908 г. (эта тема будет продолжаться и в дальнейшем [26, д. 2983, л. 35 об., 37 – 40 об., 43 об.]). Прошло более четырех лет, а описания клада все не было. И. А. Иванов 13 января 1914 г. с сожалением писал С. Ф. Платонову: «Фотографии вещей будут скоро высланы Ал[ександ]ру, и он «обязанным находится» (выражение полученного нами рескрипта Вел[икого] Кн[язя]¹) показать их Вам. Ал[ександ]ра будем просить дать нам для напечатания по этому поводу его доклад в виду тождественности некоторых вещей. Ведь, все равно он не дождется, чтобы его несовершенная работа б[удет] напечатана. Иметь историч[ескую] обяз[анность], обязавшимся напечатать по рескрипту описание клада (двухгодичный срок давно и истек). Но если Вы иначе мыслите, я отступаю от этого проекта» [23, с. 43]. Наконец, описание было подготовлено [28]. Следовательно, письмо Н. Е. Макаренко позволяет говорить, что он мог привлекаться к изучению клада. Об этом свидетельствует и письмо Евгении Александровны Рыздзевской. Она 30 мая 1914 г. по этому поводу писала С. Ф. Платонову: «... по поводу фотографии с глиняного клада из Тверского музея, которую, как Вы мне говорили,

¹ Речь идёт о Константине Константиновиче – президенте АН.

можно успеть напечатать в описании клада. В Эрмитаже будут приготовлены снимки всего кувшина, поскольку удалось его склеить из двух отдельных небольших черепков, выбранных из числа наиболее характерных. Сегодня мне сообщил для передачи Вам Н. Е. Макаренко, что фотографии, как только будут готовы, будут посланы Вам для помещения их в описании клада» [26, д. 4072, л. 1 об. – 2].

Представляет интерес и второе письмо, где сообщаются фамилии лиц, на земле которых велись раскопки. Важна и рукопись текста с благодарностью им от управляющего Русским отделением, написанная С. Ф. Платоновым. Три расписки (в Глинск и две в Сумы) свидетельствуют о том, что Н. Е. Макаренко отправлял названную благодарность после распечатки на указанные адреса. На это указывают их количество, ноябрьская дата и адреса.

Из этого же письма становится известно о желании Н. Е. Макаренко выступить с сообщением о мозаиках, выполненных М. В. Ломоносовым, в Русском отделении по новым материалам. В. А. Фролов называл Н. Е. Макаренко «первым серьёзным учёным, взявшимся изучать художественное наследие Ломоносова» [37]. При этом о состоянии, в котором находилась мозаика «Полтавская баталия», он цитировал автора: «Хранилась она там, точнее – валялась в различных углах, судя по дошедшим известиям: то “в скульптурной мастерской на заднем дворе”, то в живописной мастерской Виллевалде, пока, наконец, здесь не

была сочтена за излишний балласт, закрашена по штукатурке и забыта. Открыта она была в 1870-х годах и впоследствии предложена одному из крупных петербургских музеев – Русскому музею императора Александра III, но последний нашел ее неподходящей для себя и отказался от такого дара» [5, с. 64 – 65].

После большого перерыва следующее письмо датируется 23 ноября 1927 г. Его содержание свидетельствует о встрече Н. Е. Макаренко с С. Ф. Платоновым 13 сентября того же года в Херсонесе, где и была сделана фотография, которая упомянута в письме. В этом году с 10 по 13 сентября проходила Вторая конференция археологов СССР, посвященная 100-летию раскопок в Херсонесе. Сохранилась и общая фотография Президиума Херсонской конференции, где запечатлены Н. Е. Макаренко, К. Э. Гриневич, С. Ф. Платонов, А. И. Маркевич, В. А. Городцов, Н. Л. Эрнст и другие, всего 19 человек.

Далее в письме автор пишет о своем настроении, которое было «не хорошим», высказывает мысль о возвращении в Петербург. Упадническое настроение было обусловлено семейной трагедией и неприятностями во Всеукраинском археологическом комитете (ВУАК), поэтому есть основания расширить «тёмный период» и на 1927 г.

Некоторые письма разным адресатам, как заметили С. В. Кузьминых и А. Н. Усачук, затрагивают одни и те же темы, например «разговор о книгах» [10, с. 243]. Она присутствует в

письмах А. М. Тальгрену, Э. Х. Миннзу и С. Ф. Платонову. Н. Е. Макаренко живо интересуется опубликованными исследованиями академика, особенно его заинтересовала книга о Петре Великом, поэтому он не раз просил дать указания найти подготовленную для него пачку с книгами еще в 1921 г.

Вторая тема – одиночество. В Киеве «либо мало, либо нет ... людей с интересами широкими», – констатирует Н. Е. Макаренко. А в Хельсинки 12 февраля 1933 г. он писал так: «Не с кем поделиться мыслями, не у кого спросить о том, в чём сам сомневаешься...» [10, с. 244].

В историографии нет упоминаний, кто способствовал профессиональному становлению Н. Е. Макаренко, кого следует считать его учителями. В этой связи большой интерес представляет письмо от 28 января 1928 г., где он прямо признает таковым А. А. Спицына и отчасти Я. И. Смирнова – русского археолога, историка искусства, академика, проработавшего в Эрмитаже более 20 лет.

Из писем С. Ф. Платонову становится понятным, что Н. Е. Макаренко был в Петрограде в 1921 г., собиравшись и в 1927 г., но остановила болезнь ног, поездка была отложена до весны 1928 г. Из переписки узнаём и о его занятиях археологией. Осенью 1927 г., уже после конференции в Херсонесе, он «копал» и «открыл зимники “скифских времён”».

ВУАН в конце 1920-х гг. переживала такой же кризис, что и АН СССР, куда всеми силами пытались

«провести» нужных академиков – с марксистским мировоззрением, ограничив влияние ученых «старой школы».

Примечательно, что Киев тех времен характеризуется как «большая дыра» в научном плане, а в области археологии «не у кого спросить, не с кем совещаться». Следует отметить, что С. Ф. Платонов писал ответы; он же пытался помогать в разрешении вопросов, о которых его просил коллега.

Таким образом, небольшая корреспонденция Н. Е. Макаренко, адресованная С. Ф. Платонову, позволяет существенно дополнить биографию и научную деятельность замечательного учёного новыми интересными фактами. Можно выделить два этапа в его научной деятельности: петербургский и киевский. Рубежом был 1919 г. Первый период был во многом успешным: в это время Н. Е. Макаренко получил богатый опыт в археологии и музейном деле, сформировался его заслуженный авторитет, были сделаны крупные открытия в археологии. В столице он завязал многочисленные знакомства с отечественными и зарубежными коллегами, связи с которыми поддерживал до трагической развязки – последовавших друг за другом трех арестов и гибели.

Второй период связан с плодотворной работой в Музее западного и восточного искусства, раскопкой курганов скифской эпохи и Мариупольского могильника, бескомпромиссной борьбой за сохранение памятников истории. Не все возможности были реализованы, силы и опыт не получали

полноценной поддержки в советский период. Это было характерно для всех специалистов дореволюционной эпохи. Здесь следует вспомнить – с каким трудом удалось напечатать книгу о Петре С. Ф. Платонову, которая инте- ресовала Н. Е. Макаренко. Все шло к «Академическому делу», в результате которого С. Ф. Платонов умер в ссылке в Самаре. Не избежал подобной участи, только еще более трагичной, и его коллега Н. Е. Макаренко.

Приложение

Письма Н. Е. Макаренко С. Ф. Платонову (1914 – 1928)

№ 1

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

По просьбе т-ле Рыдзевской посылаю Вам фотографич[еские] снимки с обломков сосуда, в котором найден был Ивановым известный Тверской клад. Искр[енне] уваж[ающий] Вас Н. Макаренко.

1914 г. 27 июня Императорский Эрмитаж¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л. 1.

№ 2

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «Церк. 4, а»

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Посылаю Вам, согласно уговору, адреса, имена и фамилии лиц, разрешивших мне производство археол[огических] раскопок на принадлежащей им земле:

1) Действит[ельный] ст[атский] советн[ик] Григорий Станиславович Вашкевич (городище, покрытое садом); его адрес: почт[овое] отд[еление] Глинск, Полтавской губ. (Роменский уезд); хутор Вашкевича.

2) Мария Матвеевна и Иван Николаевич Лещинские (городище в Никольском лесничестве).

И Сергей Алексеевич Любимов, оказавший большое содействие при работе на этом городище.

Адреса этих трёх лиц: г. Сумы Харьковской губ., имение гг. Лещинских.

Кроме этого, имею еще одно предложение: мог бы прочесть в Русском Отделении доклад о мозаичном предприятии Ломоносова (после напечатания в

¹ В Эрмитаже Н. Е. Макаренко работал с 1911 г., с 1915 г. являлся кандидатом на классную должность.

Ломоносовском сборнике небольшой статьи¹ на эту тему я продолжал заниматься ней² и в настоящее время, благодаря найденным новым материалам, получил интересные дополнения). Предлагаю эту тему Русскому Отделению п. ч. в 60 – 70 гг. Общество интересовалось ней³ и собирало материалы. Если Вы найдете возможным принять это предложение, то прочесть бы я мог в начале декабря.

Искр[енне] Вас уваж[ающий] Н. Макаренко (подпись). 1915 ноября 8 дня.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л. 2 – 3.
Бланки. 3 расписки в приёме заказного отправления. Дата на штемпеле – 27.11.15.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л. 4 – 6.

Рукой С. Ф. Платонова

Мил[остивые] госуд[ари]

Григорий Станиславович (Вашкевич. пр[евосходительст]во).

Мария Матвеевна	} Лещинские	} Высокородие
Иван Николаевич		
Сергей Алексеевич Любимов		

В осеннем собрании Отделения Русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества Н. Е. Макаренко в отчёте о раскопках, им произведенных в том 1915 г. по поручению Отделения, довел до сведения председательствовавших о том просвещенном содействии, какое изволили Вы ему оказать в его работах и разысканиях. На сём основании Отделение единогласно постановило выразить Вам глубокую благодарность, что я, как управляющий Отделением, и исполняю с чувством особенного удовольствия.

Примите увер[ение] в сов[ершенном] почтении и отличной преданности.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л. 7.

№ 3

Киев 23/XI [19]27

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Исполняю свое обещание – посылаю фотографический снимок, исполненный 13/IX с/г в Херсонесе. Снимок неудачный. Не то хотел, что получил. Если бы не дал слова выслать, пожалуй, и не послал бы. Ну, что делать! Лыщу себя надеждой, что при следующей встрече, если до такой доживу, сниму лучше. Уж

¹ Макаренко Н. Е. Ломоносов и мозаичное дело в России // Ломоносовский сборник. СПб. : Изд-во Императ. Академии наук, 1911. С. 289 – 330.

² Украинизм.

³ Украинизм.

очень нехорошо морально себя чувствую. Не могу взять себя, как говорят, в руки. Совершенно потерял интерес ко всему. Понимаю, что надо работать, но работа не клеится.

После Херсонеса я копал. Открыл зимники «скифских времён». Их около 10-ти. Материал совершенно новый. Но... не знаю, хватит ли сосредоточенности обработать материал.

Думаю, не переменить ли место жительства, не обменять ли Киев снова на Петербург. Не повлияет ли такая перемена на меня. Тем более такая мысль навязывается ещё и потому, что в Киеве я «не пришёлся ко двору». Часто приходится слышать, что я – «вихованец¹ российский». А не украинский. А это в наших климатах большой минус.

Вот такая просьба к вам, Сергей Фёдорович, есть. Вы изучаете теперь Петра. И изучаете его с той стороны, с которой он наименее известен. Если вами что-нибудь будет напечатано или уже напечатано, не откажите послать мне. Буду вам бесконечно благодарен. Равно очень просил бы не отказать в высылке и того, что будет напечатано о Мазепе, о медали, изготовленной для него, и т. д. Да и вообще всякой вашей работы желанной для меня многим обяжете. Киев – признаться надо – дыра большая. Новинки сюда доходят с запозданием значительным. Да и людей с интересами широкими либо мало, либо нет. Все мы суживали свои интересы до пределов невозможных. Смотрим и изучаем лишь то, что непосредственно касается.

Сергей Фёдорович! Ещё одна просьба. Когда я в 1921 году приезжал в СПб, благодаря вашему заступничеству мне было разрешено получить из О. Л. Д. П.² много изданий. Они были отложены для меня же в отдельную группу. Служивший там Никол[ай] Грацианович Пиотровский³ обещал мне их переправить, т. к. я не успел их запаковать. Я очень хотел бы их получить сейчас, о чём и пишу вам, как председателю, заявление. Будьте добры, не откажите выяснить. Искр[енний] привет наш всей Вашей семье. С искр[енним] уважен[ием], Н. Макаренко.

Адр[ес]: Киев, Левашовская, 17. Дом Акад[емии] Наук, мне. Вашего адреса не помню.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л.1. 9 – 10 об.

¹ Воспитанник (укр.).

² Общество любителей древней письменности.

³ Пиотровский Николай Грацианович (1874 – 1931) – сотрудник Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, заведовал петербургским домом С. Д. Шереметева на Фонтанке. С 1917 г. – член Комиссии по спасению сокровищ Эрмитажа.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Шлю вам своё искреннее спасибо за присылку ваших последних работ. Вашего «Петра» у меня нет, и я его не видел. Если найдёте возможным прислать – буду весьма благодарным. Спасибо и за распоряжение о розыске отложенных для меня книг в О. Л. Д. П. Неужели «орден Иуды» пропал? Нет ли его где-нибудь либо в наших собраниях, либо в заграничных. Слишком уж видной была эта вещь, чтобы бесследно исчезнуть.

Про результаты в О. Л. Д. П. приятно было бы получить весть.

Искр[енний] наш привет всем вашим и вам.

Собирался на Рождество быть в СПб, да видимо не попаду – снова болит нога. Лечат кварцевой лампой.

Искр[енне] вам пред[анный] Н. Макаренко.

Адр[ес]: Киев, Левашовская, 17. (дом Акад[емии] Наук).

P.S. Забыл адрес вашей квартиры. Какой?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л.11 – 11 об.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Ваше послание получил. Спасибо за внимание.

Жалею я очень – о юбилее О[бщест]ва узнал так поздно. Хотел бы я и мог подарить О[бщест]ву к этому дню кое-какие рукописные книги. Теперь уж, очевидно, «смогу» это сделать при своём приезде в СПб., куда я когда-нибудь соберусь же. Думаю, весной. Если снова не помешает какая-нибудь история. При этом посылаю вам офиц[иальное] заявление на имя О[бщест]ва с перечнем книг, мне весьма желательных. «До зарезу» необходимы такие издания, как Святославов Сборник; Лихачева: Палеограф[ическое] значение бум[ажных] водяных знаков; Радзивилловская летопись и Мстиславова Евангелие. Некоторых из них в Киеве почти нет. Я вполне понимаю, что не имею соверш[енно] тех заслуг, которые бы мне давали хотя бы какое-нибудь право на получение этих ценных изданий. Но ведь я их держал уже в руках, перебирал, перекладывал в той стопке, которая так и осталась на месте в О[бщест]ве и которую тогда лишь случайно не взял, оставя на попечение других. Мне неловко затруднять Вас своими просьбами. Чувствую свою вину и глубоко извиняюсь. Обществу, Комитету и вам особенно буду весьма благодарен за разрешение получить просимое.

Наш искренний привет всем вашим и вам.

Наверное, часто видите Александра Андреевича¹. При случае передайте ему, что я его часто вспоминаю с большой благодарностью. Лишь тут, в этой глубокой дыре, я почувствовал, как много А. А. мне дал или, точнее, – я от него взял. Считает ли он меня своим учеником или нет – не знаю, но я то всё, что имею, позаимствовал от него, и считаю себя его учеником и отчасти учеником Я. И. Смирнова². В Киеве ведь не у кого спросить, не с кем совещаться по предмету археологии. Живёшь лишь своими наблюдениями. А «Петра»-то Вашего у меня нет.

Искр[енно] вам пред[анный] Н. Макаренко.

Киев, Левашовская, 17. (дом Акад[емии] Наук).

P.S. Нашу Акад[емию] Наук нынче ревизуют. Причины и результаты ясны: необходимость ввести в академич[ескую] среду «своих» особ. Очевидно, после ревизии будет посажен какой-нибудь коммунист в число лиц, управляющих делами Академии. Думаю, что академич[еская] автономия будет зело нарушена. Н. М.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3462. Л.12 – 13 об.

Библиографические ссылки

1. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками : в 2 т. / ред. С. О. Шмидт ; сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. Т. 1. 320 с.

2. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889 – 1927 / подгот текста, коммент. Т. Н. Жуковской, Д. Н. Лепина, Б. С. Кагановича ; отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.

3. Визначний археолог та мистецтвознавець : до 135-річчя від дня народження Миколи Омеляновича Макаренка (1877 – 1938 : бібліографічний покажчик / укладач. В. І. Салогуб. Ромни, 2012. 31 с.

4. Воронин Н. Н. Из ранней истории Владимира и его округа // Советская археология. 1959. № 4. С. 74 – 81.

5. Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». / описал Николай Макаренко. Петроград : Тип. Рос. акад. наук, 1917. Т. VIII: Мозаичные работы Ломоносова. С. 64 – 65.

6. Граб В. И., Супруненко А. Б. Из эпистолярного наследия Н. Е. Макаренко // Донецкий археологический сборник. Донецк : Аверс К0 ЛТД, 1993. Вып. 3. С. 36 – 45

¹ Спицын Александр Андреевич (1858 – 1931) – археолог, приват-доцент (с 1918 г. – профессор) Петербургского университета (1909 – 1928), член-корреспондент АН (1927).

² Смирнов Яков Иванович (1869 – 1918) – востоковед, историк искусства, академик РАН (1917).

7. Императорская Археологическая Комиссия. (1859 – 1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Г. В. Длужневская. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.

8. Кириллова Л. В. Деятельность Владимирской губернской ученой архивной комиссии по археологическому исследованию Владимирской губернии // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2010. № 1. С. 208 – 213.

9. Кузьминых С. В., Усачук А. Н. «Миллион этой власти проклятий!..» (Письма Н. Е. Макаренко А. М. Тальгрёну) // История археологии: личности и школы : материалы междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 195 – 216.

10. *Их же.* «Так много было о чём поговорить» (Кембриджская коллекция писем Н. Е. Макаренко Э. Х. Миннзу) // Краткие сообщения Института Археологии. 2016. Вып. 243. С. 242 – 256.

11. Макаренко Н. Е. Ломоносов и мозаичное дело в России // Ломоносовский сборник. СПб. : Изд-во Имп. акад. наук, 1911. С. 289 – 330.

12. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917 – 1991) / под ред. Я. В. Василькова, М. Ю. Сорокина. СПб. : Петербург. востоковедение, 2003. 496 с.

13. Магнус О. А. Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918 – 1928. Л. : [б/и], 1931. С. 52 – 53 (Известия Государственной академии истории материальной культуры; Т. 8, вып. 4 – 7).

14. Макаренко Н. Е. Продолжение раскопки в пос. Красногорском // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая типо-литогр. Ф. Г. Каримова, 1906. Вып. 16. С. 76 – 94.

15. *Его же.* Серебряная чашка Музея Оренбургской ученой архивной комиссии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая типо-литогр. Ф. Г. Каримова, 1907. Вып. 17. 10 с.

16. *Его же.* Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам // Труды ВУАК. Владимир : Тип. Губ. правления, 1908. Кн. X. С. 1 – 63.

17. *Его же.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Полтава: Электр. тип. Г. И. Маркевича, 1908 – 1916. Вып. 55. С. 201 – 212.

18. *Его же.* Мариупольский могильник. Киев : Изд-во ВУАН, 1933. 151 с.

19. Макаренко Д. Є. Микола Омелянович Макаренко. Киев : Наукова думка, 1992. 168 с.
20. Макаренко Николай Емельянович // Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852 – 1917 : биограф. справ. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 102 – 104.
21. Митрофанов В. В. «Я искренний патриот» : письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1882 – 1890) // Герценка : Вятские записки : науч.-попул. альм. Киров, 2020. Вып. 37. С. 30 – 59.
22. Митрофанов В. В. Сотрудничество А. А. Бобринского с С. Ф. Платоновым в рамках Русского отделения Русского археологического общества // Культурный ландшафт регионов. 2020. Т. 2, № 5. С. 58 – 74.
23. Митрофанов В. В. «...письмо не должно оставаться без какого-либо археологического упоминания...» : письма И. А. Иванова С. Ф. Платонову (1914 г.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1(8). С. 40 – 52.
24. Никитина Т. Б., Пузаткина Е. А. Русенихинский могильник: междисциплинарный подход к изучению памятника // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 187 – 203.
25. Нищенко Н. А. Изучение культурного наследия казаков в работах Н. Е. Макаренко // International Scientific Review. 2017. № 6(37). С. 16 – 18.
26. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 888 ; Ч. 2. Д. 2983 ; Д. 3462 ; Д. 4972 ; Д. 4275.
27. Перещепинский клад: предвар. сообщ. // Известия Императорской археологической комиссии : прибавление к вып. 46. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 207 – 211.
28. Рыдзевская Е. А. Тверской клад 1906 года // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1915. Т. XI. С. 9 – 21.
29. Сливина Е. И. Музейная деятельность Н. Е. Макаренко на Украине: по материалам периодических изданий 1917 – 1941 гг. // Вопросы музеологии. 2015. №1(11). С. 21 – 25.
30. Соколова П. Ю. Исследования Н. Е. Макаренко в Северном Приазовье в 30-е гг. XX в. // Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2012. Вып. 4 – 5. С. 88.
31. Тверской клад 1906 года. Петроград : Тип. М. А. Александрова, 1915. 14 с.
32. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Паровая типо-литограф. Ф. Г. Каримова, 1905. Вып. 14. 220 с.
33. Там же. 296 с.
34. Усачук А. Н. К истории отечественной археологии : альбом рисунков Н. Е. Макаренко из фондов Донец. краев. музея // Археологія і давня історія України : зб. наук. пр. К. : ІА НАН України, 2012. Вип. 9. С. 315 – 324.

35. Федотов А. С. Члены Императорского Московского археологического общества в составе Общества возрождения художественной Руси // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 199 – 210.

36. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма : историко-геогр. очерки. М. : Яз. славян. культур, 2004. 320 с.

37. Фролов В. А. «Полтавская баталия» М. В. Ломоносова: от пренебрежения к признанию // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765) / под ред. Н. П. Копаневой, М. Ф. Хартанович. СПб. : МАЭ РАН, 2016. Вып. 2. С. 77 – 95.

V. V. Mitrofanov

**«YOU HAVE FREQUENTLY TO HEAR THAT I AM “RUSSIAN
VIKHOVANETS”»: LETTERS FROM N. Ye. MAKARENKO
TO S. F. PLATONOV**

The letters of the famous Russian and Soviet archaeologist of Ukrainian origin N. E. Makarenko are introduced into scientific discourse. They allow us to trace his communicative ties with an outstanding historian S. F. Platonov since the early 1900-s until 1928. Scientists crossed paths in numerous scientific societies of the capital and provinces, for example, in the Russian Branch, the Archaeological Commission, a number of archival commissions, at a conference in Chersonesos. The letters make it possible to clarify significantly the facts of the biography and scientific research of N.E. Makarenko. They depict the gloomy moral situation of the 1920-s on the eve of «Academic case».

Keywords: Archeology, N. E. Makarenko, S. F. Platonov, Hermitage, excavations, archival materials, correspondence.

УДК 656.62

Н. В. Митюков

ФЛОТ ДУЛЕСОВСКОГО ЛЕСПРОМХОЗА В 1940-е ГОДЫ

На основе статистических отчетов реконструирована эволюция состава флота Дулесовского леспромхоза в послевоенные годы. Имевшиеся в его составе суда идентифицированы по данным технических отчетов. В предвоенные годы в хозяйстве имелись четыре катера и два шитика, однако после войны остались

катер № 35 и паром. Сделано предположение, что, поскольку это были катера со старыми двигателями, то из-за мобилизации специалистов в годы войны они просто пришли в негодность из-за низкоквалифицированной эксплуатации. Сделан вывод, что во второй половине 1930-х гг. в Дулесовском мехлесопункте практиковалось судостроение. Имевшийся в хозяйстве флот, скорее всего, был собственного производства, при этом для катеров, вероятно, использовались двигатели со списанных тракторов. Документально подтверждена лишь постройка собственными силами парома грузоподъемностью 15 т.

Ключевые слова: водный транспорт, история, Дулесовский леспромхоз, Кама, навигация.

Главный парадокс советского водного транспорта в послевоенные годы состоял в том, что в централизованном и плановом государстве существовало множество независимых и неподотчетных друг другу структур, имевших свой флот. Кроме флотов Минобороны и Минречфлота своими судами также обладали МВД, Миноборонпром, Минлеспром и другие министерства и ведомства. В связи с чем определение эволюции судового состава на определенной территории превращается в нетривиальную задачу, требующую привлечения разнообразных архивных фондов. К счастью, в послевоенные годы отчеты хозяйств о наличии у них водного транспорта по форме «26-вод» начали аккумулироваться в структурах Центрального статистического управления, которое на их основе формировало собственный отчет о водном транспорте всего субъекта федерации. В связи с этим, расположив ежегодные отчеты в хронологическом порядке, можно достаточно уверенно проследить эволюцию судового состава. К сожалению, в форме «26-вод» не указываются названия су-

дов, поэтому возникает еще один вопрос – их идентификация по мощности силовой установки. Указанный метод был апробирован на примере Управления по транспортному освоению малых рек УАССР [1], завода № 74 (ныне Ижмаш) [2], № 235 (ныне Воткинский завод) [3] и некоторых других хозяйств. Главная особенность флота Дулесовского леспромхоза состоит в том, что о нем сообщается лишь в групповых отчетах, т. е. сведения о леспромхозе приходится вычленять из интегральных отчетов более высоких инстанций.

Статистические отчеты о флоте Дулесовского леспромхоза

В статотчете 1946 г. Минлеспрома УАССР указаны четыре буксирных судна с суммарной мощностью 125 л. с. [4, оп. 4, д. 766, л. 56 об]. Причем на этот же год Воткинский мехлесопункт показал у себя три буксирных судна с мощностью 95 л. с. [Там же, д. 799, л. 39 об]. Получается, что в Минлеспроме УАССР сверх воткинских судов имелось еще одно с мощностью 30 л. с. Хозяйство, в котором оно числилось на балансе, в отчете

не указано, но можно предположить, что это Дулесовский леспромхоз.

В итоговом отчете по водному транспорту (1947) свои флоты имели пять хозяйств, подотчетных Министерству лесной промышленности РСФСР. Из них два хозяйства, относившиеся к Минлеспрому УАССР, имели четыре судна с суммарной мощностью 196 л. с.: два грузопассажирских (90 л. с.) и два буксирных (106 л. с.) [4, оп. 4, д. 951, л. 43 об]. В пояснении к форме отмечено: «*Указанный флот находится в Воткинском М[ех]Л[есо]пункте – 3 единицы, в Дулесово – 1 единица*». Учитывая, что воткинский катер «Пятилетка» имел мощность 60 л. с., снова получается, что в Дулесово находился грузопассажирский катер мощностью 30 л. с.

В последующем произошло объединение минлеспромовских хозяйств в рамках комбината «Удмуртлес», объединялись и их флоты. В результате в отчете за 1949 г. комбинат показал у себя шесть судов с суммарной мощностью 358 л. с. [Там же, д. 1568, л. 11]. По-видимому, составители испытывали определенные трудности с подсчетом, поэтому на полях документа осталась их калькуляция. В ней значится: «*Кр[асный] Спл[авщик] – 115 [л. с.]*», имеется в виду пароход треста «Ижлес», ранее фигурировавший в отчетах этого хозяйства. Далее идут: «*Азин – 48, Октябрь – 28 [л. с.]*» – пароходы Воткинского леспромхоза, затем: «*2 катера на Каме – 92 [л. с.]*».

После этого подведена итоговая черта и значится цифра 283 л. с., что

совпадает с указанной суммой. Далее идет приписка «+ *нов[ый] – 75 [л. с.]*», снова подведена итоговая черта и дается сумма 358 л. с., что точно совпадает с указанной в форме цифрой. Относительно нового катера есть еще одна приписка: «*Катер Кировск. з-да – 75*», из которой понятно, что речь идет о только что приобретенном судне, отсутствовавшем в предыдущих отчетах.

Относительно двух катеров на Каме: в 1949 г. появился приказ «Удмуртлеса» № 22 от 24 мая, по которому катер Воткинского леспромхоза перевели на Каму и передали Ершовскому леспромхозу [5, оп. 1, д. 3, л. 50]. В данном случае имеется в виду катер «Пятилетка», поэтому второй катер, явно дулесовский, снова получается мощностью 32 л. с.

В итоговом отчете за 1950 г. относительно флота «Удмуртлеса» показано шесть судов с суммарной мощностью 358 л. с. [4, оп. 4, д. 1941, л. 16], что говорит о неизменности состава. Отчет следующего года дает те же шесть судов, но суммарную мощность в 354 л. с. [Там же, д. 2297, л. 13], что объясняется пересмотром мощности имеющихся судов. Так, среди грузопассажирских показан один катер мощностью 73 л. с. – ясно, что это бывший катер мощностью 75 л. с. По всей вероятности, мощность катеров на Каме в нем показана уже не 92 л. с., а 90 л. с.

В колебаниях мощности, скорее всего, двигателя СТЗ-30 нет ничего удивительного. Его мощность состав-

ляла 32 л. с., которые очень часто в отчетах Центрального статистического управления (ЦСУ) округляют как до 30 л. с., так и до 35 л. с.

Таким образом, получается, что на Каме в период с 1946 по 1951 г. имелся один катер мощностью 30 л. с., по всей вероятности, числившийся в Дулесовском леспромхозе.

Реконструкция судового состава

В годовом отчете Дулесовского мехлесопункта за 1938 г. в форме № 28 «Отчет о работе водного транспорта» имеется информация о работе в составе организации четырех катеров: двух типа СТЗ, одного «Холт» и одного «Возрождение» [6, оп. 1, д. 569, л. 112]. Причем общий расход бензина (лигроина) по первым двум за год составил 15,1 т, по катеру типа «Холт» – 15,9 т. По катеру типа «Возрождение» он отсутствовал, что может свидетельствовать лишь об эпизодическом использовании судна. Его работа была запланирована, но по факту (по отчету) оно не эксплуатировалось: возможно, ремонтировалось или с ним возникли какие-то другие проблемы.

Особо ценно в отчете этого года то, что там присутствует инвентаризационная ведомость на 1 октября 1938 г. В разделе «Оборудование и машины» среди прочего имеется интересная опись, в которой под № 19 числится «Магнето от катера № 4» 1936 г. производства, ценой 600 руб. [Там же, л. 256]. Можно предположить, что именно это магнето и являлось причиной отстоя одного катера в течение года. В разделе «Наличие живого и

мертвого инвентаря, находящегося в Дулесовском мехлесопункте» имеется опись находящегося на балансе водного транспорта [Там же, л. 207 – 209], характеристики катеров приведены в таблице.

Катер № 2. Одновинтовой, буксирный моторный катер с керосиновым двигателем внутреннего сгорания СТЗ в деревянном корпусе с деревянной надстройкой и каютами: 1. Штурвальная рубка. 2. Носовая каюта с машинным отделением. Балансовая стоимость 13 879 руб. 60 коп. Процент изношенности 80 %.

Катер № 3. Одновинтовой, буксирный моторный катер с нефтяным двигателем внутреннего сгорания «Возрождение» в деревянном корпусе с деревянной надстройкой: 1. Носовая каюта для команды. 2. Штурвальная рубка. 3. Машинное отделение. Балансовая стоимость 13 000 руб. 00 коп. Процент изношенности 80 %.

Катер № 35. Одновинтовой, моторный катер с керосиновым двигателем внутреннего сгорания в деревянном корпусе с деревянной надстройкой, однопалубный: 1. Штурвальная рубка. 2. Носовая и кормовая каюты для команды. 3. Машинное отделение. Балансовая стоимость 32 978 руб. 00 коп. Процент изношенности 70 %.

Шитик № 30. Несамходный, тип баржонки полупалубной, корпус деревянный с устройством для подъема тяжестей и кормовой тесовой каютой. Грузоподъемность 30 т. Балансовая стоимость 11 084 руб. 94 коп. Процент изношенности 80 %.

Шитик «Орлянка» (? – неразборчиво) типа прямобортной заводни, беспалубный, корпус деревянный с кормовой дощатой каютой, грузоподъемностью 15 т. Балансовая стоимость 5 000 руб. 00 коп. Процент изношенности 75 %.

Катер № 1. Моторный катер, двигатель «Холт» лигроиновый, одновинтовой, год постройки машины 1929. Балансовая стоимость 15 810 руб. 00 коп. Процент изношенности 75 %.

Характеристика катеров Дулесовского мехлесопункта

Водный транспорт	Год	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Мощность, л. с.
Катер № 2	1934	9,25	2,44	1,25	30
Катер № 3	1935	8	2,2	1,2	12
Катер № 35	1933	12	1,90	1,40	30
Шитик № 30	1933	20	4,7	1,8	–
Шитик «Орлянка»	1933	13	4	1,2	–
Катер № 1	1934	15,45	2,40	1,09	70

Вполне очевидно, что составители документа перепутали процент изношенности и процент годности, поскольку 70 – 80 % изношенности означает необходимость списания, но, с другой стороны, все плавсредства на момент составления ведомости имеют срок службы не более пяти лет.

Два катера, показанные в форме № 28 как «типа СТЗ», – явно катера № 2 и № 35. Причем в данном случае имеется в виду марка двигателя СТЗ-30. Катера № 1 и № 3 имеют тракторные двигатели. У катера № 3 – двигатель «Возрождение»: это завод в Маркштадте (Республика немцев Поволжья) по производству маломощных тракторов «Фордзон». Завод функционировал в 1924 – 1928-м гг., из чего можно предположить, что на катере, построенном, скорее всего, собственными силами, стоял нефтяной двига-

тель от списанного трактора. Очень вероятной видится и ситуация, что двигатель в этом году мог быть неисправен (десять лет службы). В связи с этим в описи, возможно, есть описка и магнето стоимостью 600 руб. предназначено именно для катера № 1, а не № 4, который в хозяйстве отсутствует.

Аналогичная ситуация описана с двигателем «Холт» производства 1929 г. Это тоже тракторный двигатель, поставившийся в Советский Союз. Мощность его в документе написана неразборчиво, но серийные двигатели имели мощность около 60 л. с. Так что, скорее всего, в ведомости указано 70 л. с.

Кроме того, имеется акт передачи имущества Дулесовского леспромхоза на баланс комбината «Удмуртлес» в 1949 г. Из плавсредств в нем на 1 апреля 1949 г. фигурируют

катер № 35 неизвестного года выпуска, завода СТЗ, мощностью двигателя 30 л. с., процентом годности 50 %, балансовой стоимостью 32 978 руб. 00 коп. Имеется также паром собственного изготовления – 15 т, процент годности 75 %, балансовая стоимость 18 000 руб. [5, оп. 1, д. 81, л. 37].

Завод-производитель, указанный как СТЗ, – снова подразумевается производитель двигателя. Это явно тот же катер № 35, указанный в переписи 1938 г. На нем тоже стоит двигатель СТЗ-30, процент износа которого увеличился (с 30 % в 1938 г. до 50 % в 1949 г.), что доказывает факт отсутствия капитального ремонта катера. Балансовая стоимость возросла из-за изменения курса рубля. Относительно парома данных мало, но это вполне мог быть тот же шитик, что имелся в мехлесопункте в 1938 г., тем более что его грузоподъемность совпадает.

По всей вероятности, во второй половине 1930-х гг. в Дулесовском

мехлесопункте было налажено судостроение. Хозяйство производило деревянные катера и шитики. Для катеров, вероятно, использовались двигатели со списанных тракторов. Но документально подтверждается лишь постройка собственными силами парома (15 т).

В предвоенные годы в Дулесовском мехлесопункте имелись четыре катера и два шитика, из которых после войны остались катер № 35 и паром. В рамках имеющихся источников объяснить факт уменьшения численности плавсредств не представляется возможным. Но можно сделать предположение, что эти плавсредства вряд ли были мобилизованы в годы войны. Это были катера со старыми двигателями, поэтому уместнее предположить, что из-за мобилизации специалистов в годы войны они просто пришли в негодность из-за менее квалифицированной эксплуатации.

Библиографические ссылки

1. Митюков Н. В., Баутина С. Л. Реконструкция судового состава по статистическим отчетам // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 51 – 65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii2020 02 Statyi04.

2. Митюков Н. В., Лошкарев А. Н., Баутина С. Л. Судовой состав завода № 74 («Ижмаш») в 1930 – 1950-е гг. // Русская старина. 2019. № 10 (1). С. 26 – 31. DOI: 10.13187/rs.2019.1.26.

3. *Их же*. Состав заводской флотилии Воткинского завода во второй половине 1940-х гг. // Молодежная наука в развитии регионов : материалы X Всерос. науч.-практ. конф., 29 апр. 2020 г. Березники : Изд-во ПНИПУ, 2020. С. 341 – 342.

4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Статистическое управление Удмуртской АССР.

5. ЦГА УР. Ф. Р-1108. Удмуртское производственное лесозаготовительное объединение «Удмуртлес» Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

6. ЦГА УР. Ф. Р-311. Государственный всесоюзный лесопромышленный трест «Удмуртлес» Народного комиссариата лесной промышленности РСФСР.

N. V. Mitiukov

**FLEET OF THE DULESOVO TIMBER INDUSTRY ENTERPRISE
IN THE 1940-s**

On the basis of statistical reports, the evolution of the fleet composition of the Dulesovo timber industry enterprise in the post-war years is reconstructed. The ships in its composition were identified by the data of technical reports. In the pre-war years, the farm had four boats and two shitiks, of which boat № 35 and a ferry remained after the war. It is assumed that since these were boats with old engines, due to the mobilization of specialists during the war years, they simply fell into disrepair due to low-skilled operation. It is concluded that in the second half of the 1930-s shipbuilding was practiced at the Dulesovo mechanical timber station. The fleet on the farm was most likely of its own production, while engines from decommissioned tractors were probably used for the boats. Only the construction of a ferry with a carrying capacity of 15 tons is documented.

Keywords: water transport, history, Dulesovo timber industry enterprise, Kama, navigation.

УДК 902/904

В. Л. Мыц

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАВОЕВАНИЯ ТАВРИКИ
МОНГОЛАМИ: 1223 – 1278 гг.**

Завоевание монголами Таврики и включение бывших византийских владений в состав Улуса Джучи происходило в три этапа. На первом этапе (1220 – 1230-е гг.) источники фиксируют два набега в 1223 и 1238 гг. на богатый торговый город Сугдею. Второй этап (1240 – 1260-е гг.) знаменателен тем, что в 1249 г. монгольские «чисельники» производят перепись податного населения не только Сугдеи, но и всего полуострова, включённого на правах автономии в состав Крымского улуса Золотой Орды. На первых порах (1240 – 1260-е гг.) местная

администрация собирает дань и отправляется с ней в Сарай Бату. Третий этап отмечен одной роковой датой – 1278 г., когда темник Ногай разгромил все византийские города (Херсон, Сугдею, Эски-Кермен и др.), крепости, монастыри и селения. До 1300 г. захваченные территории входили в состав улуса Ногая.

Ключевые слова: Золотая Орда, Византийская Таврика, Трапезунд, Херсон, Климаты Готии, Константинополь, Синоп, сельджуки Рума, Сугдея, Боспор, Ногай.

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. бывшие византийские владения в Таврике (Херсон и Климаты Готии, а также Боспор и прибрежная часть Таманского полуострова) переходят под протекторат образовавшейся на южном берегу Понта Трапезундской империи (1204 – 1461) [16, с. 5 – 29]. Только Сугдея с сельской округой, состоявшей из 18 селений, предпочла зависимость от Трапезунда покровительству половцев и руссов. Воспользовавшись этим, в 1217 г. сельджуки Румского султаната завоёвывают Сугдею [28, с. 179 – 186; 29, с. 193 – 204]¹. Таким

образом, им удалось устранить периодически возникающие препятствия в торговле и установить прямую связь между двумя важнейшими причерноморскими портами – Синопом (перешёл в 1214 г. в подчинение Руму от Трапезунда) и Сугдеей.

Во время очередного конфликта с Трапезундом в 1223 – 1235 гг. сельджуки совершают неудачную попытку захватить Херсон, но в итоге лишь опустошают окрестности города [5, с. 47; 42, с. 173]. По-видимому, сельджукская экспансия в 1217 – 1235 гг. стимулировала возведение в окрестностях Херсона и Готии целой системы сторожевых крепостей, контролировавших перевалы и проходы в долины Горного Крыма. В это время помимо старых византийских городских крепостей на побережье (Алустон, Партенит, Гур-

¹ На протяжении XX – начала XXI в. исследователи высказывали различные мнения по поводу времени похода сельджукского полководца Хусам ад-Дина Чобана на Судак: от 1221 до 1228 гг. [28, с. 179 – 186; 29, с. 193 – 204]. Критику предложенной автором статьи даты см. у Х.-Ф. Байера, который считает более подходящим временем похода сельджуков на Сугдею 1223 г. [4, с. 198 – 199]. В одной из последних своих работ М. Г. Крамаровский отдаёт предпочтение наиболее поздним датам: 1226 – 1228 гг. [23, с. 43]. С точки зрения автора статьи, оптимальным временем завоевания сельджуками Сугдеи были 1217 – 1222 гг. – до прихода к власти в Трапезунде Андроника Гида (1223 г.). В

условиях войны с Трапезундом (как, например, в 1223 – 1235 гг.) организовать транспортировку и высадку на побережье Юго-Восточной Таврики значительного военного контингента (причём с конницей) было очень сложно. Именно Трапезунд, обладая значительным флотом и являясь в 1214 – 1222 гг. вассалом Рума, мог оказать материально-организационное содействие проведению уникальной в практике сельджуков военно-морской десантной операции.

зуф, Ялита, Символон) и в глубинных горных районах (Эски-Кермен, Мангуп, Сциварин, Тепе-Кермен, Кырк-Ор, Бакла) возникают укрепления у селений Фуна, Кермен (на Басмане), Керменчик, Яманташ, Сююрю-Кая, Сандык-Кая, Чоргунский исар, Камара (Аю-Кая западная), Кала-Фатлар, Айя, Сарджик, Исар-Кая (Мердвень), система укреплений на горе Бойка, Учансу-Исар и др. Всего на территории Крымской Готии и Херсакеи (так называлась область Херсона с окрестностями) в XIII в. существует около 40 крепостей [31, рис. 1].

Первое появление монголов на территории полуострова в 1223 г., видимо, незначительно изменило военно-политическую обстановку в регионе. Это нападение нашло отражение в «Сугдейском синаксаре», где под 27 января 1223 г. оставлена лаконичная запись: «В этот день пришли первые татары» [45, v. 8]. Более развёрнутую картину данного эпизода представляет в своей «Хронике» современник тех событий Ибн ал-Асир (1160 – 1233): «Придя к Судак, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую». Рашид ад-Дин по этому поводу дополнительно сообщает: «Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну руссов. Монголы зимовали в той области, которая представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак» [39, с. 26; 13, с. 26].

Исследователи по-разному трактовали сообщение Ибн ал-Асира [38, с. 55]. Одни считали, что при появлении монголов Сугдею покинул сельджукский гарнизон и часть купечества: сев на стоящие в порту корабли, они переправились в Синоп; другие сомневались в такой возможности, так как зимой плавание по Чёрному морю может быть сильно осложнено погодными условиями, поэтому практически до апреля оно замирает. Другая группа учёных обращала внимание на то, что сообщение Ибн ал-Асира точно не датировано и могло относиться не к 1223 г., а к более позднему времени. Например, как отмечено в «Сугдейском синаксаре» под 26 декабря 1238 г.: «В этот день второй раз пришли татары» [45, ст.120, v.10].

После завершения западного похода в 1242 – 1243 гг. монголы, возглавляемые Бату (1243 – 1255), возвращаются в причерноморские и приволжские степи. На обширной, завоёванной монголами территории начинает формироваться новое государство – Улус Джучи, а на левобережье Волги строится столица – Сарай Бату. Установление власти монголов над Юго-Восточной Таврикой фиксируется в «Судакском синаксаре» сообщением о завершении 27 апреля 1249 г. переписи взрослого мужского населения Солдайи [45, ст. 120; 44, р. 82; 4, с. 204] и принадлежавших ей селений. Всего здесь, по-видимому, находилось 8300 домохозяйств («дымов»), т. е. примерно около 42 тыс. человек. О судьбе Херсона и Климатов Готии, а также

Боспора в это время ничего не известно, но трудно представить, что эти густонаселённые территории остались без внимания монголов. Вполне вероятно, что в 1249 г. «чисельники» и здесь произвели перепись податного населения для сбора дани [12, с. 88; 26, с. 72]. Тем более что для обитателей приморской и горной Таврики данная практика откупа от кочевников в виде выплаты дани была отработана в XI – начале XIII в. ещё при господстве в степи половецких орд.

Прибывший в Сугдею 21 мая 1253 г. Гильом де Рубрук не застал в городе её архонтов («капитанов», как он их называет), которые отбыли в Орду, чтобы лично предстать перед Бату (?) с собранной данью [11, с. 91]. Это сообщение указывает на отсутствие в данное время в Таврике института «баскаков». Рубрук, покидая полуостров, отмечает, что между Херсоном и Сугдеей расположено 40 крепостей [11, с. 91; 4, с. 203], что свидетельствует об относительно мирном включении бывших владений Византии в систему подчинения Улусу Джучи¹.

В этот период, очевидно, Крымский улус находился ещё в стадии формирования, а его будущий административный центр – Солхат-Крым – не выделился среди поселений Восточного Крыма. Однако важность его место-

положения определялась не столько наличием яма – придорожной монгольской почтовой станции, располагавшейся на финальной дистанции степного маршрута [21, с. 245 – 250], сколько близостью к морскому побережью, на котором располагался богатый торговый порт – Сугдея². Впервые о Крыме как поселении, находившемся в дневном переходе от Сугдеи (около 25 км), сообщают послы султана Египта, прибывшие в Таврику в 1263 г. с дипломатической миссией. Из сочинения Ибн абд-аз-Захыра (ум. в 1293 г.) узнаём некоторые детали продвижения посольства по территории полуострова к хану Берке (1256 – 1266): «Потом они взобрались на гору, называемую Судак; [здесь] встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди различных наций, как то: кипчаки, русские, аланы. Переезд от берега до этой деревни [продолжается] один день. Из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем» [39, с. 63; 13, с. 45].

В 1265 г. в результате похода монголов в Византию из плена был освобождён экс-султан Сельджукидов Рума Иззеддин Кейкаус II. Хан Ак-Орды Берке передал ему в икта Солхат

¹ В. Д. Смирнов считал сомнительным сообщение Гильома де Рубрука о том, что до прихода монголов Херсон и Сугдея, а также расположенные между ними 40 замков платили дань половцам [38, с. 51].

² Уже в 70-х гг. XIII в., также на расстоянии дневного перехода, генуэзцами на берегу залива была основана Каффа, которая начинает стремительно развиваться. К середине XIV в. Каффа становится крупнейшим торговым портом Причерноморья.

и Сугдею. Вслед за Кейкаусом II в Таврику переселилось около 12 тыс. сельджуков (согласно преданию, их возглавлял известный племенной вождь Сары Салтык), осевших в Юго-Восточном Крыму [38, с. 57 – 58]. Мотивация предоставления места для поселения очевидна – до прихода монголов (в 1217 – 1223 гг.) данная территория (Сугдея и её окрестности) была завоёвана сельджуками. В качестве дополнительных почётных предпочтений Иззеддин Кейкаус II должен был жениться на знатной монгольской даме – Урбай-хатуни – дочери (?) хана Берке. Весной (не ранее 25 мая?) 1278 г. Иззеддин Кейкаус II умирает¹ и (согласно монгольской традиции) место мужа овдовевшей Урбай-хатуни должен занять его старший сын Масуд. Но Масуд отказывается вступить с вдовой отца в брачные отношения и, вопреки требованию хана Менгу-Тимура (1266 – 1282), со своими детьми бежит из Солхата (?) в Сугдею (?), откуда на корабле отправляется в Южный Понт – земли, подчинённые ильхану Аргуну. Рукн ад-дин-Бейбарс (ум. в Каире 4 сентября 1325 г.) в своей «Летописи» так описывает эти события: «Он (Иззеддин Кейкаус – *В. М.*) оставался у них [татар] до тех пор, пока приклю-

чилась смерть его в этом году [677-м, 25 мая 1277 – 13 мая 1279 г.]. Когда он умер, то Менгу-Тимур старался женить сына его, султана Масуда, на жене его, Урбай-хатуни, но Масуд отверг это неслыханное предложение, возмущаясь его безобразием, безнравственностью и уклонением от пути законности, и ему не было другого спасения от неё, как бегство от неё. Он [действительно] бежал оттуда в сопровождении двух сыновей своих, из которых одного звали Меликом, другого Карамурадом...» [39, с. 103; 13, с. 55]².

Побег, которому, вероятно, способствовали архонты Сугдеи, привёл к катастрофическим последствиям. В «Сугдейском синаксаре» под 28 мая 1278 г. помещена запись: «В этот день убиты Тикитай Салик и Сугур и все остальные жители Сугдеи татарами» [45, с. 123]. По-видимому, не только сочувствие, но и деятельная помощь побегу Масуда с сыновьями явилась тем «спусковым механизмом», который послужил поводом для разгрома не только Сугдеи, но и других городов, крепостей, поселений и монастырей византийской Таврики, которым до этого времени удавалось относительно мирно уживаться с уста-

¹ М. Г. Крамаровский, со ссылкой на И. М. Миргалиева, высказывает предположение, что Иззеддин Кейкаус был похоронен в районе Перекопского перешейка (Ор-Капу) [23, с. 42]. После смерти Кейкауса и бегства Масуда со своими сыновьями часть сельджуков, возглавляемая Сары Салтыком, покинула Крым и переселилась обратно в Добруджу.

² Письменные источники предлагают разные даты смерти Иззеддина Кейкауса II, которые хронологически располагаются между 1278 – 1280 гг., М. Г. Крамаровский, например, без детализации и ссылок на источники, придерживается даты – 1280 г. [23, с. 45].

новившимся на полуострове господством монголов.

Следует сказать несколько слов для прояснения военно-политической ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье в 70-х гг. XIII в. В 1271 г. Джучиды и Хулагуиды подписывают мирный договор [33, с. 21]. Бек-темник Ногай как один из активных сторонников продолжения борьбы за Закавказье получает в управление западную часть улуса Джучи [6, с. 172] и основывает в Исакче свою столицу. В конце 1277 г. монголы на Северном Кавказе ведут войну с аланами и 8 февраля 1278 г. захватывают их столицу – укрепленный город Верхний Джулат (Деяков?) [24, с. 262 – 263].

После этого на юго-западной периферии Улуса Джучи не завоеванными силой оружия остаются в Таврике только Херсон и Климаты Готии. Данные территории продолжали признавать протекторат Трапезундской империи и входили в титул Великих Комнинов под названием «Пиратей» («Pirateia») [15, с. 158 – 159; 17, с. 194, прим. 54]. Вероятно, «Пиратей» платила налоги Трапезунду, но с 1243 г. Трапезунд признавал сюзеренитет монголов Ирана (Хулагуидов). Кроме того, православные Таврики выплачивали каноникон (церковные сборы) константинопольскому патриарху, которому принадлежали и некоторые приходы в районе Ялты. В 1270-х гг. константинопольскому императору Михаилу VIII

Палеологу удалось установить прочные связи и заключить союз с Ногаем, за которого в 1272 г. он выдал за муж свою незаконнорожденную дочь Евфрасинью [7, с. 315 – 316; 46, р. 79 – 80].

Особая многовекторная сложность политического положения византийской Таврики 40 – 70-х гг. XIII в. очевидна: формально она оставалась административной частью Трапезундской империи (Херсон и Климаты Готии), конфессионально подчиняясь церкви Константинополя (епископии Херсона, Готии, Сугдеи и Боспора), принявшей в 1274 г. унию с католиками. Но реальной властью здесь обладали только монголы. Сугдея, Боспор и степная часть полуострова уже с 40-х гг. XIII в. входили в Крымский улус Золотой Орды. Однако, как показывает сообщение от 28 мая 1278 г. «Судакского синаксара», это не защищало от нападений, грабежа и убийств мирное население.

Таким образом, завоевание монголами и включение бывших византийских владений в Таврике, располагавшихся в основном на побережье Чёрного моря и в Горном Крыму, в состав земельных владений Улуса Джучи происходило в три этапа. На первом этапе (20 – 30-е гг. XIII в.) источники фиксируют два кратковременных набега в 1223 и 1238 гг. на Юго-Восточную Таврику, где располагался богатый торговый город Сугдея. Второй этап

(40 – 60-е гг. XIII в.) знаменателен тем, что в 1249 г. монгольские «чисельники» производят перепись податного населения, вероятно, не только Сугдеи, но и всего полуострова (?), включённого на правах автономии в состав Крымского улуса Золотой Орды. Местная администрация на первых порах (40 – 60-е гг.?) самостоятельно производит сбор дани и отправляется с ней в Сарай Бату. Третий этап отмечен одной роковой датой – 1278 г. Разгром этого года знаменателен тем, что некоторые города, крепости, монастыри и поселения практически прекратили своё существование (Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Исар-Кая, Камара, Кала-Фатлар, Сарджик, Чоргунский исар и др.), а Херсон уже никогда не восстанавливался в прежних пределах. Причём в городах, на территории которых жизнь продолжалась (Херсон, Кырк-Ер, Сугдея, Алушта, Боспор), оборонительные сооружения не восстанавливались ввиду полного тотального господства монголов на территории полуострова.

В современной историографии нет единого мнения о времени и причинах гибели византийских памятников Таврики [30, с. 389 – 400; 31, с. 69 – 101]. Например, различными исследователями предлагаются семь датировок разрушительного пожара поздневизантийского Херсона в XIII в.: 1) 1223 г. [5, с. 42 – 63; 34, с. 196 – 274]; 2) конец 1230-х гг. (1239 г.) [10, с. 118 – 130]; 3) 1250 – 1260-е гг.

[37, с. 195 – 213]; 4) 1260-е гг. [3, с. 187 – 192]; 5) 1270-е гг. [14, с. 165 – 187; 9, с. 251 – 265; 27, с. 65 – 67]; 6) 1270 – 1290-е гг. [1, с. 81]; 7) конец 1290-х гг. (1292 г. или 1299 – 1300 гг.) [36, с. 152 – 157].

Не менее пёстрой выглядит и картина завоевания монголами ещё одного крупного византийского центра Юго-Западной Таврики – Кырк-Ера. А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев предлагают особую судьбу для этого города, который они считают столицей крымских алан. По их мнению, город, несмотря на неоднократные погромы в XIII в., в том числе и захват (?) Кырк-Ера в 1299 г. Ногаем, подчинился татарам не ранее 40-х гг. XIV в. при хане Джанибеке (1342 – 1357) [8, с. 135 – 138]. Нет ясности и с датами разрушений Сугдеи, которая, согласно свидетельствам письменных источников, наиболее часто в XIII в. подвергалась нападениям: 1217, 1223, 1238, 1278, 1298 гг. Один из исследователей этого богатого и яркого византийского города В. В. Майко, сообщает об открытии в портовой части средневековой Сугдеи, в подвальном помещении, «закрытого комплекса первой половины XIII в.». При этом автор признаёт, что «датировать комплекс и, соответственно, слой пожара в узких хронологических рамках затруднительно» [25, с. 69 – 90], не представляя аргументированных объяснений, почему всё-таки он отдаёт предпочтение «первой», а не «второй» половине XIII в.

Некоторые современные исследователи средневековых городов Крыма, следуя историографической традиции, заложенной А. Л. Якобсоном в 50 – 60-е гг. XX в. [43, с. 83], склонны датировать катастрофический пожар на территории изучаемых памятников 1299 г. и связывать его с карательной экспедицией Ногая [1, с. 81]. Однако этому противоречат не только письменные свидетельства, но и археологический материал, в котором не отложились ордынские монеты 80 – 90-х гг. XIII в. Это не может быть случайностью¹. К тому же за истекшие сорок лет никем из археологов не были представлены в публикациях стратиграфии раскопанных участков, в которых ими были обнаружены «закрытые комплексы».

Сепаратизм Ногая 1297 – 1300 гг., объявившего себя ханом [32, с. 209 – 215; 40, р. 1134 – 1137], безусловно, внёс раскол в среду этнически и конфессионально пёстрого населения

¹ А. И. Айбабин, ведущий на протяжении нескольких лет изучение византийского города на плато Эски-Кермен, отмечает, что при раскопках 2003 – 2008 и 2013 гг. в позднем слое пожара найдены 23 византийские и херсоно-византийские монеты V – XIII вв., но среди них относительно уверенно к чеканке от начала XIII в. до 1260-х гг. можно отнести только две херсоно-византийские монеты с монограммой «ро» диаметром 22 мм [2, с. 245].

Таврики. Осенью (?) 1298 г. в ордынской столице улуса в городе Крым был убит внук Ногая Актаджи, который прибыл туда с 4000 всадников под командованием бека Эльбатраса. К тому же Актаджи должен был не просто получить дань, но и занять место наместника Крымского улуса, «подаренное» ему Ногаем. Для подавления крымского «мятежа» (по сути, жители Крыма выразили верность хану Токте) Ногай направляет на полуостров войско во главе с темником Маджи. «Мятежный» город силой оружия был приведён к покорности. Его жители частично убиты, частично пленены, а их имущество разграблено. Но оказывается, что и другие города Таврики (Сугдея, Херсон, Кырк-Ер, Боспор?) на 2/3 остаются верными легитимному хану Токте. В приведении их к покорности (от Херсона до Керчи-Боспора), вероятно, принимает участие сам Ногай. Освещающие ход гражданской войны 1297 – 1300 гг. в Орде письменные источники [32, с. 209 – 215] указывают и на то, что к 90-м гг. XIII в. оседлое население полуострова уже считает себя подданными золотоордынского хана и оппозиционно настроены к Ногаю. Поэтому, рискуя потерять не только имущество, свободу, но и жизнь, жители городов Таврики выступают против сепаратистских устремлений Ногая [30, с. 389 – 400].

Библиографические ссылки

1. Айбабин А. И. Крым в X – первой половине XIII в. // Археология. Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII вв. М. : Наука, 2003. С. 68 – 82.
2. *Его же*. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2014. Вып. XIX. С. 240 – 277.
3. Алексеенко Н. А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // Херсонесский сборник (ХСБ). Севастополь, 1996. Вып. 7. С. 187 – 192.
4. Байер Х.-Ф. Этнический состав Сугдеи и её хинтерланда в 1253 г. по данным Виллельма ван Рюбрука // Античная древность и средние века (АДСВ). 2005. Вып. 36. С. 194 – 228.
5. Богданова Н. М. К вопросу о городском управлении в Херсонесе в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока : сб. ст. : в 2 ч. М. : Наука, 1985. Ч. 1. С. 42 – 63.
6. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Германа, О. В. Строгановой. Тверь : ЛЕАН ; М. : Аграф, 1997. 476 с.
7. Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. тринадцать книг. Т. 1. Царствование Михаила Палеолога. 1255 – 1282 / под ред. проф. Карпова. Санкт-Петербург : Тип. Деп. уделов, 1862. 22 с.
8. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата : Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь : Антиква, 2016. 312 с.
9. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Глазурованная посуда из квартала X // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251 – 265.
10. Гончаров Е. Ю. Восточная нумизматика Херсона (вторая половина XII – первая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. М. : СПб. : Алетейя, 2009. Вып. VII. С. 118 – 130.
11. Карпини Дж. дель Плано. История монгалов. 3-е изд. М. : Мысль, 1997. 460 с. (Путешествия и путешественники).
12. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. / отв. ред. В. И. Буганов. Изд. 2-е, стер. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
13. Золотая Орда в источниках. Материалы для истории Золотой Орды, или Улуса Джучи. В 5 т. Т. 1. Арабские и персидские сочинения : сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В. Г. Тизенгаузена / сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.

14. Калашник Ю. П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982 – 1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Эрмитажа. Ленинград : ГЭ, 1989. С. 165 – 187.
15. Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII – XV вв. // Византийский Временник (ВВ). 1973. Т. 35. С. 154 – 164.
16. *Его же*. Образование Трапезундской империи (1204 – 1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5 – 29.
17. *Его же*. История Трапезундской империи. СПб. : Алетейя, 2007. 624 с.
18. Крамаровский М. Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278 – 295.
19. *Его же*. Мангупская находка : Сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 457 – 478.
20. *Его же*. Каменное изваяние из Крыма (предварительное сообщение) // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 239 – 246.
21. *Его же*. Солхат от яма к городу (этапы роста и векторы культуры) // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и новации : материалы междунар. науч. конф. Керчь, 21 – 25 мая 2018 г. Симферополь: Литвиненко Е. А., 2018. С. 245 – 250.
22. *Его же*. Крым и Рум в XIII – XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 55 – 88.
23. *Его же*. Рах Mondolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи : кат. выст. в центре «Эрмитаж – Казань». М. : Фонд Марджани, 2019. С. 15 – 57.
24. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: ИР, 1984. 303 с.
25. Майко В. В. Закрытый комплекс первой половины XIII в. в портовой части средневековой Сугдеи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» : сб. науч. тр. Севастополь, 2013. С. 69 – 79.
26. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X – XV вв. Киев : Наукова думка, 1991. 164 с.
27. *Его же*. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым : тез. докл. Симферополь, 1997. С. 65 – 67.
28. *Его же*. К датировке похода эмира Хусам-ад-дина Чобана на Судак // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 176 – 186.
29. *Его же*. Сельджукско-трапезундские отношения в первой трети XIII в. и поход эмира Хусам-ад-дина Чобана на Судак в 1217 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск, 2001. Вып. XI. С. 193 – 204.
30. *Его же*. Время и причины гибели в XIII веке городов византийской Таврики (историографический аспект проблемы) // Труды Государственного

Эрмитажа Т. LXXIV: Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвящ. памяти А. В. Банк (1906 – 1984) / Гос. Эрмитаж. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 389 – 400.

31. Мыц В. Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 69 – 106.

32. Порсин А. А. Источниковая база эпохи темника Ногая в истории Золотой Орды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 209 – 215.

33. *Его же*. Политическая деятельность Ногая в Золотой Орде (1262 – 1301 годы) : автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 24 с.

34. Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 196 – 274.

35. Рашид ад-Дин. Сборник летописей : в 3 т. / пер. с перс. Л. А. Хетагурова ; ред. и примеч. А. А. Семёновой. М. ; Л., 1952. Т. 1. 248 с.

36. Романчук А. И. Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма : сб. науч. тр. Симферополь : Таврия, 1995. С. 152 – 157.

37. Сазанов А. В. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в Средние века. М. – СПб. : Алетейя, 2005. Вып. 6. С. 195 – 213.

38. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2 т. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М. : Рубежи XXI, 2005. 540 с.

39. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.

40. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматических доказательств правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи. Казань, 2001. С. 134 – 137.

41. Хромов К. К. Сельджукская печать из Крыма // Восточная нумизматика в Украине. В 3 ч. Ч. 3: Улус Джучи, Крымское ханство, сопредельные государства в XIII – XVIII вв. : сб. публ. Киев, 2013. С. 123 – 124.

42. Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 171 – 186.

43. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М. – Л. : Наука, 1964. 183 с.

44. Balard M., Veinstein G. Continuite ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane // Le paysage urbain au Mogen Age. Lion, 1981. P. 79 – 131.

45. Νυσταζοπουλου Μ. Ηεν τη Ταυρικη Χερσονησω πολις Σουγδαια απο ΙΓ μεχρι του αιωνος. Συμβολι εις την ιστοπιαν του μεσαιωνικου ελλινισμού της Νοτιον Ρωσιας. Αθηνα, 1965. 132 σ.

46. Vasary I. Comans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balcans, 1185 – 1365. Cambrydge: Cambrydge Univerity Pres, 2005. 230 p.

V. L. Mytz

MAIN STAGES OF THE MONGOL CONQUEST OF TAURICA: 1223 – 1278

The Mongol coquest of Taurica and incorporation of the former Byzantine possessions into the Ulus of Jochi consisted of three stages. During the first stage (20 – 30s of the XIII century), the sources show two raids to the rich commercial city of Sugdeya in 1223 and 1238. The second stage (40 – 60s of the XIII centure) is significant by the fact that in 1249 the Mongolian “chiselniki” (census takers) made a census of the taxable population not only of Sugdeya, but of the entire peninsula included in the Crimean ulus of the Golden Horde as autonomy. In the early days (40 – 60s), the local administration was collecting a tribute and taking it to Saray Batu. The third stage was marked by one fateful date – 1278, when emir Nogai destroyed all Byzantyne cities (Kherson, Sugdeya, Eski-Kermen, etc.), fortreses, monasteries and villages. Until 1300, the occupied territories were part of the Nogai ulus.

Keywords: Golden Horde, Byzantyne Taurica, Trebizond, Kherson, Klimatas of Gothia, Constantinopole, Sinop, Seljuke of Rum, Sugdeya, Bosporus, Nogai.

УДК 94 (47) 066

М. Ф. Прохоров

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В статье анализируются вопросы, связанные с положением помещичьих крестьян Владимирского края в середине XVIII в. В этот период в России наблюдается заметный подъем промышленности, торговли, товарно-денежных и рыночных отношений. Этот процесс затронул хозяйство крепостного крестьянства Владимирского края. Новые явления нашли отражение в крупных владениях Шереметевых, Бутурлиных, Воронцовых, Голицыных и других. Именно здесь

среди крестьян активизируются купля-продажа земли и ее аренда, развиваются промыслы, хозяйство ориентируется на рынок, усиливается роль зажиточных крестьян.

Ключевые слова: аренда, землевладение, земледелие, крестьяне, помещики, сельскохозяйственные промыслы, община.

Середина XVIII в. – время, когда в России происходили существенные сдвиги в социально-экономической жизни. На фоне роста промышленного производства, развития транспорта, торговли и строительства крепостное крестьянство активно вовлекается в систему экономических и рыночных связей. Этот процесс не мог не затронуть помещичье крестьянство Владимирского края, входившего в состав формирующегося Центрально-промышленного района. Данная тема не получила достаточного отражения в отечественной историографии, хотя отдельные ее стороны рассматривались в исторической литературе. Исследователи в основном касались последней четверти XVIII в. [2; 3]. Проблема истории различных категорий крестьянства затрагивалась и на страницах этого журнала [4].

Источниковой базой по истории крепостного крестьянства Владимирского края преимущественно явились архивные материалы личных фондов Шереметевых, Бутурлиных, Воронцовых, Голицыных, а также государственных учреждений того времени. Особенно полно сохранились документы вотчинного архива Шереметевых.

Источники представлены указами, предписаниями и инструкциями помещиков, распоряжениями вотчин-

ной администрации, сделками крестьян (купчие, кортомные, заемные), документами сельского мира (приговоры, челобитные, следственные дела). Особый интерес вызывают также экономико-статистические описания по Владимирскому краю – анкеты, обозрения, ведомости, а также наказы дворян в Уложенную комиссию 1767 г. [1; 17; 18].

Используемые документы позволяют представить разнообразные стороны жизни крепостных Владимирского края, их занятия сельским хозяйством и земледельческими промыслами, внутреннюю жизнь общины, поземельные отношения.

До губернской реформы 1775 г. Владимирский край был представлен Владимирской провинцией, которая состояла из Владимирского, Гороховецкого и Муромского уездов. По данным III ревизии (1762 г.) здесь числились 124 486 душ мужского пола (далее – д. м. п.) помещичьих крестьян, или 64,1 % от всего населения края. Расчеты по ведомости о барщинных и оброчных крестьянах 1766 – 1767 гг. свидетельствуют о том, что было распространено мелкопоместное дворянство (до 21 д. м. п.): здесь оно составляло 42,7 % от всех помещиков края и владело 4,6 % крестьян. Далее следовала категория среднего дворянства

(от 21 до 100 д. м. п.), удельный вес которых достигал 39,7 %, оно владело 22,8 % крепостных. Ключевые позиции в экономической жизни занимали крупнопоместные помещики (от 101 д. м. п.). На их долю приходилось всего 17,6 % дворян, но в их собственности было 72,6 % крестьян. В среднем на одно имение выходило 82 д. м. п. – довольно большое значение для помещичьих владений, что характерно для районов давнего формирования дворянского землевладения [6; 10; 12].

Ведущей отраслью хозяйства крепостных крестьян Владимирского края было земледелие. К сожалению, точными данными о распределении земельных наделов на одну д. м. п. в рассматриваемое время мы не располагаем. В личных фондах содержатся отрывочные данные о землевладении крестьян. Так, в Карачаровской вотчине Муромского уезда помещика П. Б. Шереметева на одну д. м. п. выходило 0,78 десятины пашни и 0,61 десятины сенокоса, а в соседних селениях (Мстере и Холуй) – от 0,14 до 0,19 десятины. Подобная картина была довольно характерной для этого края. О недостатке земли у крестьян свидетельствовали официальные власти. В частности, на это указывал провинциальный прокурор в своем ответе на анкету Вольного экономического общества (далее – анкета ВЭО) 1765 г. по Владимиру («оной земли недостаток»). Крестьянское малоземелье подтверждают ответы Муромской воеводской канцелярии на анкету Сената 1767 г. [8, с. 293; 11; 18, с. 112, 114].

Выход из ситуации дефицита пахотной земли крестьяне нередко находили в вотчинной и вневотчинной аренде земли, ее покупке и продаже, насильственном захвате у односельчан. На этом фоне часто возникали земельные конфликты, особенно в торгово-промысловых селах, где было заметно расслоение сельского мира. От земельных притеснений зажиточной верхушки особенно страдала беднота. Данное явление особенно заметно в селе Карачарово. На протяжении 1750 – 1760-х годов источники отражают здесь все увеличивающийся накал страстей в борьбе за землю и распределение ее между различными имущественными группами населения [5, д. 938, л. 99 – 101].

Нередко крестьяне стремились сложить свои окладные единицы, а следовательно, и земельные наделы в связи с обременительными владельческими повинностями и собственным разорением. Обычно это явление затрагивало малосостоятельное население, которое не имело сил и средств для несения повинностей и обработки угодий («подати платить и работы отправлять мочи нет», «стар и скуден», «убог и одинок»). П. Б. Шереметев и сельский мир не запрещали такие сделки. В 1771 г. владелец указывал в вотчину, что, «снимая часть тягла крестьянина, то на другого по мирскому приговору положить, а впусте тягла отнюдь не оставлять» [Там же, д. 936, л. 81; д. 937, л. 127; д. 938, л. 92 – 94].

В Карачаровской вотчине П. Б. Шереметева сдачу в аренду, как

правило, осуществляли бедные слои населения, не имеющие сил и возможностей нести полностью тягло. Срок найма обычно не превышал 15 лет, а годовая арендная плата достигала 20 руб. Среди состоятельных крестьян особенно распространенной была вне-вотчинная съемка угодий. По этому поводу владелец замечал, что «первостатейные к удовольствию своему наймывают мимо своей посторонние земли». Подобная практика, прежде всего, объясняется высокими нормами тяглового обложения карачаровских жителей.

В этой вотчине многие селяне продавали свои земельные наделы из-за нужды и бедствия, нетрудоспособности и отсутствия рабочей силы в семье. Несмотря на распоряжения владельца о запрещении продажи тягловой земли, сельский мир дипломатично обходил эти указания. В судной избе подобные сделки оформляли, маскируя под стереотипные и завуалированные формулировки, вроде таких как: «уступил», «обменял», «отдал». В действительности такие сделки обычно сопровождалось сокращением земельного надела того, кто его сдавал. При этом прежний владелец земли получал за нее или денежную компенсацию, или освобождался (частично или полностью) от несения повинностей, или обеспечивался небольшим усадебным участком. В частности, крестьянин И. Федоров «уступил» часть своих угодий односельчанину Г. Старикову с условием оплаты за него оброка. Распространенное явление для нетрудо-

способных и одиноких жителей приобрела сдача (фактически – продажа) земли в «вечное владение», т. е. в «наследственное» владение родственникам, соседям, знакомым и односельчанам (зафиксировано около 20 сделок подобного рода) [5, д. 940, л. 1,59, 70, 77 – 79].

Частым явлением были коллективные покупки земельных угодий. Обычно такие сделки носили коммерческий характер. Подобного рода факты были отмечены в торгово-промысловых селениях Муромского уезда. Крупные сделки совершали зажиточные крестьяне. Например, часть жителей деревни Степаново владельца Н. М. Лосева купила в 1751 г. у помещицы А. К. Ивановой пустошь при селце Окулово размером 120 четвертей «в свое собственное и потомственное владение и на свои деньги». Массовый торговый характер приобрели внутривотчинная купля и продажа земли. О фактах продажи земли внутри вотчины указывает Д. И. Бутурлин по селу Палех Владимирского уезда, замечая, что «издавна оной обычай: усадебные земли меняют и продают» [13, д. 6287, л. 57; 15].

Важнейшим занятием крестьян являлось хлебопашество. Судя по экономико-статистическим обозрениям Владимирского края середины XVIII в., земли здесь были малопродуктивными. В анкете ВЭО 1765 г. по Владимирскому уезду указывается, что земля «иловатая, отчасти песчаная и притом есть болотистая». Земледельцы обычно сеяли «серые» хлеба – рожь,

ячень, овес. В отдельных плодородных местах «весьма довольно» выращивали пшеницу. Кроме того, на крестьянских полях сеяли горох, чечевицу, гречиху, «однако немного». Из технических культур были распространены посеы льна, реже – конопли.

В условиях малоплодородной земли оказались довольно высокими нормы высева зерновых культур на 1 десятину пахоты: для ржи и овса эта норма в среднем составляла 2 четверти, пшеницы – 2,5 четверти. В урожайные годы на иловатых почвах сбор серых хлебов составлял сам-4 – сам-5, а на малоплодородных – сам-2 – сам-3. Значительным был недород зерна в 1766 – 1767 гг., охвативший повсеместно почти весь Центральный нечерноземный район (ЦНР). В Топографических описаниях Л. Бакмейстера указывается, что в Гороховецком уезде неурожай «против посева бывает с немалым недородом» [1]. В этом уезде урожай составлял сам-1,2. В наказе дворян Владимирского уезда в Уложенную комиссию 1767 г. отмечается: «За неурожаем в нынешние годы хлеба не точию крестьяне, но сами помещики претерпевают крайнюю нужду». Недороды в крае происходили и в начале 1770-х гг. Так, крестьяне муромской вотчины в селе Поздняково жаловались в 1771 г. княгине Е. М. Голицыной на то, что «по другой год хлеба нет» [1, с. 128, 136; 14, д. 184, л. 153 об.; 16, с. 355; 17, с. 554].

Уровень развития зернового хозяйства значительно влиял на обеспеченность крестьян хлебом для пропитания.

При выяснении вопроса о степени обеспеченности крестьянского двора зерном автор взял следующие общепринятые в экономической литературе расчеты: нормой потребления на едока в месяц положено 2 четверика с учетом расхода на корм скоту, т. е. годовой расход составлял 24 четверика (3 четверти, или 384 кг).

Сохранились расчеты управляющего Карачаровской вотчины, по которым в год на одного едока приходилось всего лишь 20 четвериков хлеба, т. е. нехватка составляла 4 четверика, или 64 кг. В условиях массового недорода середины 1760-х годов недостаток хлеба для пропитания становится обычным явлением [9, с. 67; 16, с. 372].

Наряду с земледелием большую роль в крестьянском хозяйстве играло животноводство. Полеводство и скотоводство были тесно взаимосвязаны. Структура земельного фонда определяла уровень развития кормовой базы для скота, а состояние животноводства обеспечивало качество обработки почвы и внесение в нее органических удобрений. По расчетам подворных описей помещичьих имений Владимирской провинции на одного работника в среднем приходилось: 1,4 лошади, 1,3 коровы, 2,4 овцы и 0,6 свиньи. Это был тот средний уровень обеспечения крестьян скотом, который позволял осуществлять простое воспроизводство.

Как указывали местные власти, «крестьяне держат по большей части коров, овец, свиней и лошадей». Однако и для этого района Нечерноземья

характерными оставались бескормица, падеж скота, недостаточная кормовая база. Особенно часто сельское население страдало от падежа скота. Во многих селениях он наносил значительный ущерб крестьянскому хозяйству. В сводной ведомости падежа скота начала 1770-х гг. по Владимирскому уезду пало 952 лошади, или 22,2 % всего учтенного рабочего скота [5, д. 946, л. 127, 137; 9, с. 76 – 77; 18, с. 99 – 100].

Наряду с полеводством и животноводством крепостное крестьянство активно занималось разнообразными сельскохозяйственными промыслами: огородничеством, пчеловодством, рыболовством, мукомольным делом и т. д.

Особенно широко в крестьянской среде Владимирского края было распространено огородничество. Ассортимент выращиваемых огородных культур включал капусту, огурцы, редьку, свеклу, лук, чеснок, репу, морковь, брюкву. Подчеркивая повсеместное распространение огородных культур среди крестьян, владимирские власти отмечали, что «оных плодов весьма довольно, ибо у каждого почти крестьянина овощной огород имеется». В условиях малоземелья размеры огородов, как правило, были ограничены. Документы фиксируют наличие у крестьян садовых и фруктовых участков.

Важным подспорьем у селян Владимирского края было разведение хмеля, который шел на изготовление пива и кваса. По этому поводу академик П. Паллас заметил, что здесь «при

многих деревнях [есть] небольшие хмельники». Приемы посадки и хранения этой культуры подробно описаны в ответе владимирского прокурора на анкету ВЭО [7, с. 36; 18, с. 103 – 104].

Многие крестьяне занимались пчеловодством. Судя по ответам местных властей на анкету ВЭО, в отдельных крестьянских дворах насчитывалось до 100 ульев. Это явно свидетельствовало о товарном характере их занятий. Одним из крупных центров по пчеловодству было село Карачарово. Значительная часть бортных владений (2072 дерева) находилась в распоряжении всей сельской общины, которая сдавала их в аренду членам своего мира. Например, один из зажиточных селян Г. Горшков получил на откуп часть пчельника сроком на 20 лет и ежегодным взносом в общинную казну 20 руб. Некоторые из жителей имели большие бортные угодья. В частности, у А. Сосунова и И. Ядрога были похищены 30 ульев на общую сумму 205 руб. Бортничество в этом селе имело явно торговый характер [5, д. 945, л. 12; д. 948, л. 191; д. 963, л. 5].

Крестьянство края интенсивно осваивало и рыболовство, ориентированное на товарную специализацию. Село Карачарово также было одним из центров торгового рыбного промысла. Здесь крупнейшие рыбные владения были сосредоточены в руках общины, которая сдавала в аренду рыбные ловли односельчанам. Так, староста К. Горшков по «мирскому согласию» отдал часть общинных ловель крестьянам А. Сосунову на два года за 89 руб.,

И. Лосеву – за 41 руб., Г. Горшкову – за 90 руб., М. Осокину – за 84 руб. Стремясь к максимальной прибыли, эти арендаторы нередко сдавали свои участки в наем другим жителям села. В частности, только М. Осокин в начале 1750-х гг. имел годовой арендный доход 500 руб. При этом он ввел жесткую монополию на продажу арендаторами рыбы. Заключая договоры с ловцами, М. Осокин требовал «им на стороне не продавать, а продавать ему».

В середине 1750-х гг. два крупных откупщика Г. Горшков и М. Осокин объединились в одну рыбную компанию с единым капиталом и начали усиленно сдавать в аренду береговые места. По далеко не полным данным они сдали по контракту рыбные ловли сроком на пять лет за 60 руб. в год П. Татаринову, П. Чулину и П. Федотову. А арендный договор с крестьянином К. Витейниковым был составлен на сумму 230 руб.

Арендные операции с рыбными ловлями осуществляла и община муромской вотчины Е. М. Голицыной в селе Поздняково. В 1763 г. муромский купец И. Д. Мездряков взял у сельского мира в аренду рыбную ватагу сроком на 6 лет и с годовой оплатой 60 руб. Одновременно княгиня Е. М. Голицына сдала часть рыбных ловель своим крепостным с ежегодным арендным взносом 75 руб. [5, д. 940,

л. 6, 10, 32, 34; д. 962, л. 110, 115, 117; 14, д. 917, л. 114, 115, 121].

Другим видом сельскохозяйственной промысловой деятельности владельцев крестьян было содержание мукомольных мельниц. В этом деле активное участие, прежде всего, принимали состоятельные слои сельского населения, имеющие достаточные денежные средства. За третью четверть XVIII в. помещичьи крестьяне в Муромской крепостной конторе заключили 15 контрактов (из 27) на аренду мельниц. Состоятельные сельские жители А. Баженов и К. Горшков (владелец – П. Б. Шереметев) должны были вносить в год 90 руб. и обмолачивать 300 четвертей зерна. Крепостной С. Лихарев (владелец – К. Г. Разумовский) взял в аренду две мельницы с ежегодной оплатой 92 руб., а А. Заргизин (владелец – А. Арцибашев) – оплатой 125 руб. Сделки носили как индивидуальный (7 актов), так и коллективный (8 актов) характер [13, д. 6289 – 6293, 6301].

Итак, помещичьи крестьяне, составляющие основную часть податного населения Владимирского края, играли важную роль в области сельскохозяйственного производства. Особенно активно в земледельческих промыслах участвовала зажиточная прослойка торгово-промысловых селений, ориентируя свое хозяйство на рыночные отношения.

Библиографические ссылки

1. Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1, ч. 2. СПб., 1772.
2. Гусарова М. Е. Муромский уезд в XVIII веке. Муром : МИ ВлГУ, 2012. 180 с.

3. История Владимирского края : учеб. пособие / под ред. Д. И. Копылова. Владимир : Дюна, 2008. 388 с.
4. Комисаренко А. И. «Подложные указы» как фактор социальной ментальности русских крестьян церковных владений России в середине XVIII века // Вестник ВлГУ. 2015. № 1 (5). С. 7 – 14.
5. Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 885. Оп. 1. Д. 242. Л. 1 – 50.
7. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. : Императорская Академия наук, 1809. Ч. 1. 773 с.
8. Прохоров М. Ф. Крестьяне Карачаровской вотчины Муромского уезда Шереметевых в середине XVIII в. // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М. : ГИМ, 2001. С. 291 – 307.
9. Прохоров М. Ф., Федулин А. А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. М. : Прометей, 2003. 287 с.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 109. Д. 158.
11. Там же. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1651. Ч. 1. Л. 115, 135, 150, 154.
12. Там же. Оп. 117. Д. 197, 1464.
13. Там же. Ф. 615. Оп. 1.
14. Там же. Ф. 1263. Оп. 10.
15. Там же. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.
16. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М. : Изд-во полит. лит., 1957. 496 с.
17. Сборник Русского исторического общества : в 148 т. Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. 8. 649 с.
18. Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Санкт-Петербург, 1769. Ч. 12.

M. F. Prokhorov

AGRICULTURAL PRODUCTION OF LANDLORD PEASANTS OF THE VLADIMIR REGION IN THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY

Based on archival documents the issues related to the situation of the landlord peasants of the Vladimir region in the middle of the XVIII century are analyzed in the article. During this period Russia observed a notable rise in industry, trade, commodity-money and market relations. This process affected serfs' households of the Vladimir region. New phenomena found reflection especially in large tenures of the Sheremetevs, Buturlins, Vorontsovs, Golitsyns and others. Especially in these

lands, among the peasants, activation of land purchase, sales and lease as well as craft development take place, the economy focuses on the market, the role of well-to-do peasants is growing.

Keywords: rent, agriculture, land ownership, peasants, landowners, agricultural industries, the community.

УДК 908

А. П. Ярков

КАСИМОВСКИЕ ТАТАРЫ И СИБИРЬ

Статья посвящена представителям тюркского населения, чьи судьбы оказались связаны с историей Сибири и Центральной России, Казахстана и Средней Азии. Часть из них «чужой» этноним присвоила себе, тогда как другие, покинув Касимовское царство (затем – уезд Рязанской губернии), сохранили самосознание и память о месте исхода. Исследование проведено на основе архивных и опубликованных письменных источников.

Ключевые слова: касимовские цари и татары, Сибирь, юрты Медянские, XVII – XIX вв.

Сибирские и касимовские правители

Касимовские татары (кечим татарлары) являются составной частью татарского мира Сибири, одновременно «связывая в единый узел» её «доруССкую историю» с особенностями политического устройства России рубежа XVI – XVII вв. С Касимовским царством¹ через Москву из Сибири были налажены политические связи – туда отправляли (в несколько приёмов) попавших в плен потомков правите-

лей, которые стали и там править, не отказываясь от ислама. Известно, например, что Арслан (Арасан) силой «бусурманил новокрещенов» из касимовских татар, вызывая возмущение московского царя [1, с. 196].

В Касимове пересеклись две ветви бывших сибирских правителей. Дело в том, что после того, как Искер покинул хан Кучум², после смерти Ер-

¹ Касимовское ханство (царство) – именование государственного (фактически вассального) владения в составе России с середины XV в., во главе которого Москва ставила перешедших в её подданство Чингизидов.

² Несмотря на поражение и уход из Искера, Кучум не только сохранил за собой южные территории ханства, но и приостановил расширение российских пределов. Он стремился вернуть всю полноту власти не только военными, но и дипломатическими методами, однако вступил в конфликт не только с Москвой, но и с отдельными представителями Ногайской Орды (в частности, одним из лидеров Ал-

мака и ухода его дружины этот город занял Али (в русских источниках Алей) – старший из 15 сыновей Кучума. Он стал собирать второй (помимо тобольских воевод) ясак с ранее подвластных его отцу вассалов, уже принявших подданство Москвы.

Правление Али в Искере было недолгим: в «Есиповской летописи» сказано, что Искером в 1586 г. овладел прибывший из Бухары Сейдяк (Сейид / Сайид Ахмад бен Тайбугид), изгнав Али¹. У Сейдяка были династийные права (как Тайбугида) на Искер. При поддержке Шибанида Абдаллах-хана II² он получил «отчину отца своего Бекбулата», убитого при странных обстоятельствах незадолго до появления Кучума и Ахмат-Гирея в Сибири [13, с. 77].

Правление Сейдяка оказалось таким же кратковременным, как и у Али – тобольские воеводы обманом пленили его в 1588 г. и отправили в

тыулов мирзой Аулией). Потерпел поражения и от калмыков, поддержкой которых пытался заручиться для воссоздания ханства.

¹ Али бежал в Тоболо-Ишимское междуречье, где к нему присоединились братья Канай, Хаджи (Азим) и Кубей-Мурад. Али затем уехал в Бухару.

² Выстраивал сложную политическую схему: когда Тайбугиды перестали править в Сибири, то их наследник – Сейдяк – жил при бухарском дворе. Их противники – Шибаниды Муртаза, Ахмат-Гирей и Кучум – первоначально получали от Абдаллах-хана и ногайских правителей поддержку, в том числе военными, администраторами, служителями ислама, властно и идеологически обеспечивая их легитимность.

Москву. А затем он оказался в Касимове. За пленённым сохранился титул «сибирской начальной князь», но запрещалось общение с другими правителями-мусульманами.

Сейдяка сопровождал Жалаири Кадыр Али-бек (Кадыргали бен Косым / Х(о)ушум/бен Темшик-бахадур бен Аижшы-бахадур)³ – потомок сподвижника Чингисхана Сартак-нояна из рода джалаир. Путь Жалаири Кадыр Али-бек в Касимов был «окружным». Сначала он сопровождал в Сибирь казахского Чингизида Ораз/Ураз-Мухаммеда бен Однана, который стал, возможно, карача при дворе Сейдяка [2, с. 63 – 64]. Известно, что Жалаири Кадыр Али-бек во главе «многих воинских людей» осаждал «град Сибирь», занятый Али, а затем вошёл в состав искерского двора Сейдяка [5, 227, 250]. Вместе с Сейдяком и Ураз-Мухаммедом он был захвачен. П. И. Небольсин писал: «Таких знатных пленников в Тобольске долго у себя держать опасно было. Того ради Чулков, еще тою же осенью, а именно сентября 10 дня 7097 (1588) году, их в Москву к Его Царскому Величеству отправил, где они по их природе, честно были приняты и пожалованы вотчинами» [9].

³ Являлся образованным для своего времени сановником, разбиравшимся в вопросах внешней и внутренней политики. Знал и, очевидно, собирал письменные и фольклорные источники. Был автором перевода с персидского языка «Джами ат-Таварих», добавил сведения по более позднему периоду.

В 1600 г. Борис Годунов посадил Ораз/Ураз-Мухаммеда – «салтана Казачьей орды» – на трон Касимовского ханства¹. Бывший при нём Жалаири Кадыр Али-бек писал: «Правой рукой проводил законы шариата, левой рукой властью Бориса Федоровича безжалостно карал воров и преступников. Таким образом, в городе Керман в государстве Бориса Федоровича установилась тишь и благодать. Долгие лета царю ислама Насират-дину Абу-л Фатиху Ораз-Мухамед-хану, да сопутствует ему удача в государственных делах! Инша Алла Тагала амин, я раб-бел-галамин».

В Смутное время Ораз/Ураз-Мухаммед поддержал Лжедмитрия II, но тот в 1610 г. заманил самого касимовского правителя на охоту, в ходе которой тот был убит [4, с. 155].

В Касимов, где обосновался Тайбугид Сейдяк, стали прибывать его бывшие враги – Кучумовичи из Шибанидов, обладавшие более высоким статусом. Дело в том, что некоторые из Кучумовичей стали проводить отдельную от отца политику, а в 1600 – 1601 гг. (возможно, после смерти Кучума от рук ногаев или калмыков) провозгласили Али «ханом сибирским». Провал переговоров с тюменскими воеводами привёл к организации совместно с ногаями и при поддержке местных племён табын,

¹ Заметим, что титул «хан/царь касимовский» и структура вассального ханства не соответствовали принятым в Золотой Орде, но оказались поддержаны практикой Российского государства.

сынрян, бикатин походов на российские пограничные земли в Сибири. Али отправился в окрестности Уфы (в 1603 г. информатор сообщал, что его другие братья не жалуют, поскольку мать незнатного рода, а для роли правителя подходит Канай). В 1607 – 1608 гг. братья потерпели поражение. Али бежал к ногаям, а затем попал в плен.

В конце всех своих злоключений Али² оказался в Касимове, а его сын Арслан стал касимовским царём (титул восстановлен в 1613 г. в благодарность за участие в противостоянии польскому нашествию). В этом городе Арслан и был похоронен в 1626 г. Там же погребены другие Кучумовичи: Азим, Молла, Канчувар бен Али, Янсюр бен Али, Хансюр бен Али, дочь Кучума – Тур-пача.

Впрочем, не все Кучумовичи оказались в Касимове³.

² Возглавивший после Али династию и сопротивление второй сын Кучума – Ишим (Иш Мухаммад) – стал ханом в 1616 г. При нём значительно расширились контакты с калмыцкими тайшами (благодаря женитьбе), как и их влияние на сибирские дела. Ишим поддержал восстания служилых и ясачных татар, но проиграл. Умер в 1624 г. Его сыновья – Аблай и Тауке обитали среди калмыков, ценивших их как Чингизидов. От них не требовали отказаться от ислама, но эти внуки Кучума носили косы по калмыцкой традиции.

³ Пленённый ещё в 1591 г. царевич Абулхаир (Аблегаир) в 1600 г. принял крещение под именем Андрей, но сохранил отчество – Кучумович. Он получил во владение село Кучки в Подмоскowie.

Между тем в 1598 г. после боя Кучума с отрядом тарского воеводы А. Воейковым оказались захвачены в плен ханские сыновья и внуки: Асманак (30 лет), Шаим (20 лет), Бибадша (8 лет), Мулла (4 года), Кумыш (1 год); восемь жён: Салтаным с дочерью Тулунбек (3 года), Сюдимжан с дочерьми Дерпатша (10 лет), Молдир (6 лет), Каражан (3 года); Жан-Даулет, Актулун с дочерью Гулсифат (14 лет), Аксуйрик с дочерью Акханым (3 года), Шеулели с дочерью Азеп-Салтан (11 лет), Кабыл-ханым, Шапшан-ханым; дочь Кумис (14 лет); двое снох – Ханзада (жена Али) с сыном Хансюером (4 года), Данай (жена Каная) с дочерью Наурыз-бек (4 года). Все они были перевезены в Москву. Затем Кучумовичи были отправлены в Касимов, с 1614 г. став по мужской линии родоначальниками Дома «царевичей касимовских», а затем «царевичей сибирских».

Правнук Кучума и сын Арслана, Саид-Бурхан (1617 – 1679), после крещения в 1654 г. стал Василием Араслановичем, первым православным правителем Касимовского царства¹, через дочь породнившись с Нарышкиными.

При дипломатических приёмах касимовским правителям отводилось место выше бояр, но позднее ситуация изменилась. Кучумович В. А. Сибирский, замешанный в деле сына Петра I –

¹ Но со статусом царевича касимовского, а его доходы были сокращены. Время существования Касимовского царства подходило к концу.

царевича Алексея, был сослан в Сибирь, а в 1716 г. титул царевичей у потомков сибирского хана был отнят. Все они (как и ранее потомки Хансюера) стали именоваться «князьями сибирскими»².

Сибирские страницы касимовских татар

Можно предположить, что касимовские татары оказались в Сибири вместе с поволжскими. Как и бухарцы, они занимали особое место в стратиграфии населения и в основном приглашались для исполнения чиновничьих функций, став частью служилых татар. Одна из самых известных династий – Кутумовы. Она ведёт происхождение от выходца из Касимовского ханства мурзы Исинея/Семенея Аганина – боковой ветви от хана Едигея. Отец князя Исенея – Ишмаммет (Аганин?), а сыном Исенея являлся уже «тобольский служивый татарин» Кутум Семенеев³ (согласно данным поступившей 1706 г. от сына боярского П. Тарыштина).

В качестве «представителя с мест» на Земском соборе от жителей Тюмени за избрание Михаила Романова царем расписались сибирские тюрки из отряда Араслана Алеевича Кутумова, воевавшие в ополчении [13, с. 16].

² В 2017 г. «Глава Дома Чингизхана Царевичей и Князей Сибирских Царского дома Сибири» И. Сибирский утвердил «Династийный орден Сибирского Царства».

³ Сын Кутума – Мурат (упомянут в купчей 1744 г.), сын Мурата – Умер, сын Умера – Измаил (известен в начале XIX в.).

В конце XVII – XVIII в. представители этой династии имели большие денежные оклады и занимали важное место в служебной иерархии России. При этом Кутумовы оставались настолько ревностными мусульманами, что один из династии «учинил побою» Григорию Елбаеву за попытку «вернуться в христианство».

«Родовое гнездо» Кутумовых – Медянские юрты (Сатылган-аул, а ныне – деревня Медянки Татарские в Тобольском районе Тюменской области). Г. Ф. Миллер сообщал, что после смерти мурзы Сабанака «в настоящее время служилые подчиняются некоему Кутумову из касимовских татар, из России, живущему в Тобольске, тогда как ясачные управляются русским приказчиком».

В первой половине XVIII в. Кутумовы занимали должность татарских голов в губернском центре – Тобольске. Благодаря этому статусу в Медянских юртах даже во время гонений (было снесено несколько десятков мечетей в Тобольской губернии) действовала мечеть. К ней, после сноса такой же в Тобольске, в 1740-е гг. были приписаны 290 горожан – татар и бухарцев. Неблизкий путь, опасный во время непогоды, ледостава и ледохода, тем не менее не стал препятствием для посещения верующими единственной мечети в округе.

В отличие от представителей местной тюркской знати (многие ещё в XVII в. утратили звания и положение) Кутумовы на протяжении длительного времени сохраняли позиции и звание

мурз, даже несмотря на политику Кульмаметевых, направленную на устранение из властных структур конкурентов. Так, в первой половине XIX в., когда представителями рода Кульмаметевых оказались заняты практически все должности (голов, сотников, атаманов) казачьих команд Татарского полка, Кутумовы оставались на высоких постах [11, с. 186].

Известно, что «Жалованной грамотой» от 25 апреля 1796 г. род Кутумовых причислен к российскому дворянскому сословию, а во владение им за верную службу даровались земельные угодья «за Медянками до Суклема и до середины Тобола»¹. Крепостных же при этом не даровалось, полагаясь на умелое распоряжение Кутумовыми владениями.

По причине возросшего числа местных прихожан и большого потока приезжих из Тобольска и окрестных селений в 1849 г. в Медянских юртах поставлена Соборная мечеть, которая окормляла 460 мусульман, где имам-хатыбом с 11 августа 1891 г. назначен М. Тохфуршин, одновременно являвшийся мугаллимом в местном медресе [14]. Это повышало статус самого селения и его жителей, отличавшихся знаниями и набожностью. Породнить-

¹ Грамота о даровании дворянства, по преданию, написанная золотыми буквами, после 1917 г. находилась у одного из представителей рода – Ихсана. В Гражданскую войну он был офицером белой армии, а в 1920-е гг. бежал из Сибири, изменив фамилию. Грамота оказалась утрачена.

ся с местными жителями хотели многие сибирские бухарцы и татары, а о касимовском происхождении напоминали уже только предания.

Иначе обстояли дела у кечим татарлары, что обосновались в XVIII в. в юртах Одинарских (Одина/Кармавыл, ныне – деревня Одинарская в Вагайском районе Тюменской области). Сохраняли память о месте исхода и крестьяне-переселенцы в названии кузбасской деревни Касимовка, ставшие шахтёрами.

Неизвестно, имел ли отношение петропавловский купец Касимов к касимовским татарам, а вот история Касимовской мечети показательна. Она берёт начало в 1795 г., когда купец обратился к Екатерине II с просьбой разрешить строительство мечети. Согласно легенде императрица не только дала разрешение, но выделила часть средств на её строительство в качестве подарка мусульманам. Но известно, что место выбирал командующий Сибирской линией Н. Г. Огарёв. Здание в 1801 г. было повреждено ударом молнии¹.

¹ Здание окончательно разобрали в 1820-е гг. Новая мечеть сооружена по типу двухколоколенных храмов в традициях Ренессанса. Её предполагаемый прообраз – Ильинская церковь в Омске (1781 – 1789), возможно, созданная в мастерской В. И. Баженова, прославившегося творческим переосмыслением традиций европейской и древнерусской архитектуры. Окрашенная эмоционально-эстетическим отношением к «другой» религии (но уже известной христианам по ритуалам, традициям), созданная в христианизированной архитек-

В XIX в. в г. Петропавловске (входил в Тобольскую, а затем – в Акмолинскую область с центром в Омске) были известны купцы из касимовских татар – Давлеткильдеевы, Акчурины, Муратовы, Сутюшевы, Тюменевы. Благодаря самоорганизации петропавловской уммы в 1887 г. вместо трёх сгоревших в городе вскоре были построены уже шесть мечетей, где Муратовская (1868), Давлеткильдеевская (1870), Янгуразовская (1882) сохранились донныне [9, с. 87 – 89].

Из 13 учебных заведений 6 были татарскими. О воспитанниках учебных заведений, где в 1886 г. обучалось 300 детей, Ц. А. Белиловский сказал: «...отличаются своей грамотностью, они читают и пишут не только по-татарски, но и часто и по-арабски, и по-русски» [3]. Количество учащихся и хорошее знание русского (что исключительно редкое явление для «усул-икадим», т. е. старометодных мектебе), арабского, тюркских языков объясняются тем, что купцы были заинтересованы, чтобы наследники стали успешными в деловой и общественной деятельности, но не забыли религию.

В 1897 г. в городе проживало 20 014 чел. Основную массу составляли русские, треть – казанские и касимовские татары, бухарцы, ташкентцы и около 1 500 казахов. Примечательно,

турно-художественной форме, она своим внешним обликом передавала информацию всем, независимо от происхождения, о позиционируемом (властями) и желательном (для законопослушных) поведении.

что из 6 129 горожан, считавших татарский язык родным, 100 – потомственные дворяне, а из 450 купцов и предпринимателей 300 – тюрки. К 1900 г. учтено 6 «татарских школ» и 9 мечетей, из которых 6 – каменные (по количеству на душу населения город обгонял и Казань). В 1910 г. там проживало 37 973 чел., из них русских – 72,8 %, а «турко-татар» – 25,2 % [10, с. 291]. Последние составили «костяк» самой весомой (в удельном отношении) уммы среди североазиатских городов.

Более того, местные купцы повлияли и на общекультурный фон, поскольку успешная торговля позволяла часть прибыли направлять на благотворительность. Отразилось это и на облике тех мечетей, что построены по индивидуальным проектам. Заметно выделялись минареты Муратовской и Давлеткильдеевской мечетей, демонстрируя влияние среднеазиатской архитектуры. Явно «импортированным» обликом отличается комплекс, воз-

двигнутый купцом Янгуразовым: прямоугольная мечеть (имеющая в южной части полукруглый выступ с михрабом, богато декорированным аттиком) составляла единое целое с прилегающим к ней двухэтажным особняком с изразцами и сводами [7, с. 385 – 391].

Часть касимовских татар, оказавшихся в Сибири, были крещены, поэтому восприняли многое из русской и, что гораздо шире, европейской культуры.

Самая примечательная личность из касимовских татар дореволюционного времени – касимовская купчиха 1-й гильдии А. И. Баркова (г. Енисейск) – автор книги «Воспоминания о сибирской золотопромышленности» (СПб., 1887).

Последующие переписи фиксируют небольшое число жителей Сибири, указавших своё происхождение как «касимовские татары», но они реально присутствуют на местном культурном «поле».

Библиографические ссылки

1. Беляков А. В. Касимовский царь Арасан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник. 2003. Т. 2002. С. 196.
2. *Его же*. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 63 – 64.
3. Белиловский Ц. А. Медико-статистический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчёт за 1886 год. Томск, 1887.
4. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. В 3 т. Т. 2. Сибирский ислам в Средние века и Новое время : коллектив. моногр. / под ред. А. П. Яркова. М., 2019.
5. История и культура сибирских татар (с древнейших времён до начала XXI века) : краевед. пособие. Казань, 2014.

6. Историческая энциклопедия Сибири (ИЭС) : в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 171.
7. Мустафина Р. М. Ислам и городская культура на территории Казахстана // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы, 2004.
8. Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб., 1849.
9. Татары на севере Казахстана (история и современность). Петропавловск, 2004.
10. Титова Т. А., Махмутов А. З. Татарское население Северного Казахстана // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. Казань, 2008.
11. Тычинских З. А. Татарские головы в системе управления служилыми татарами в XVI – XIX вв. // Сулеймановские чтения : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск, 2009.
12. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань, 2018. С. 77.
13. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Романова. М., 1906.
14. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 786, об. – 787.

A. P. Yarkov

KASIMOV TATARS AND SIBERIA

The article is devoted to the fate of representatives of the Turkic population, which due to the circumstances turned out to be linked with the history of Siberia and Central Russia, Kazakhstan and Central Asia. Some of them appropriated the «alien» ethnonym for themselves, while others, having left the Kasimov kingdom (and then the district of the Ryazan province), retained their self-consciousness and memory of the place of exodus. The study was conducted on the basis of archival and published written sources.

Keywords: Kasimov Tsars and Tatars, Siberia, Medyan yurts, XVII – XIX centuries.

**ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ «ДИРЕКТОРИИ»
Д. ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОНА**

Поэтическая книга «Директория» Дмитрия Голынка-Вольфсона представляет собой попытку поэтически осмыслить культурные изменения 1990-х годов с опорой на «петербургский» текст А. Блока и М. Кузмина. Вслед за этими поэтами Голынка-Вольфсон сложным образом соединяет «петербургский» и «итальянский» тексты культуры, вводя общую постмодернистскую оптику и используя коды ренессансной живописи, архитектуры и алхимии для нового осмысления эмоций русского Серебряного века и культурных ассоциаций наших дней.

Ключевые слова: Голынка-Вольфсон, герменевтика поэзии, «петербургский» текст, культурный паттерн, экфрасис.

Вторая поэтическая книга Дмитрия Голынка-Вольфсона [1] (первая называлась «Номо scribens», 1994), поэта и искусствоведа, представляет собой прежде всего опыт иронической работы с «петербургским» текстом, попытку вернуть этот текст к его прежним составляющим, таким как галантные празднества, архитектурно-градостроительные проекты, торжественные выступления и сбивчивые туристические заметки. Начавший, по замечанию К. М. Ф. Платта, как этнограф субкультур и конструировавший синтетическую поэтику, передающую ценности и речевые манеры 1990-х годов, в своем творчестве начала нулевых Голынка-Вольфсон стал обосновывать более сложные конфигурации, в которых сами порядки вещей благодаря лирической заинтересованности в

культурных отражениях этих порядков размыкают привычные исторические обстоятельства: «Элементарные вещи», описанные в этих стихотворениях, – странный гибрид личностного начала и философской абстракции: иногда они ведут себя как люди (преимущественно – как молодые женщины; отчасти это объясняется тем, что слово «вещь» в русском языке – женского рода), иногда – как космические «вещи в себе». Если сравнить этот недавний поворот Голынка-Вольфсона с траекторией предшествующих поколений, то на первый план выйдет отличительная черта этого поэта – поразительная свобода от давления исторических обстоятельств. Благодаря образу «элементарной вещи» он находит себе социальные цели в настоящем и отжигает по ним огонь. Его не отягоща-

ет исторический опыт, простирающийся дальше, чем рискованный барочный карнавал России 1990-х. В его стихотворениях происходит выход за пределы любого опыта: это письмо находится не только за пределами советского, но и за пределами социального в любом понимании» [5, с. 217].

Как бы мы ни понимали этот выход за пределы социального, особенно с учетом того, что в книгу «Директория» вошли стихи начиная с 1990 года, Платт прав в том, что сами социальные или познавательные программы становятся для этого поэта не способом упорядочивать эстетические впечатления, а, наоборот, предметом воздействия тех вещей, на которые мы привыкли смотреть лишь как на декоративные детали, но каковые только и могут образовать опыт начального переживания культуры. В данной статье автор доказывает, что выход за пределы паттернов культурных реакций происходил уже в стихах 1990-х годов, а именно в тех моментах, где барочный карнавал оказывался не характеристикой периода, а одной из культурных ассоциаций, за которой стоят интерференции как высказываний о культуре, так и визуальных образов, обеспечивающих опыт культурного участия. Эти моменты мы и называем искусствоведчески, имея в виду, что искусствоведение может работать самыми разными методами, но без герменевтики образа оно не станет фактом культуры, не получит своей завершенной формы в качестве интеллектуальной практики, прямо направленной на искусство.

Эксперимент, возвращающий привычный культурный миф к создавшим его продуктивным речевым стратегиям, поддерживается в стихах книги «Директория» на разных уровнях поэтического высказывания. Например, название первой части книги, «Зообургское предместье», с произведениями 1995 и 1990 годов хотя выглядит просто каламбуром слова «Зоопарк», разыгранным в первой поэме этой части («Сашенька, или Дневник Эфемерной смерти»), приобрело особое звучание в канун празднования 300-летия Петербурга, когда и вышла книга: тогда цифры «300» появлялись на растяжках и плакатах и прочитывались в шутку как «зоо». Но название также знаменует собой, что Петербург может быть понят не только как имперская столица, но и как предместье, с собственным колоритом и своими порядками образов, отличающимися от привычного массового восприятия культурного наследия. И. Кукулин обозначил эту особенность поэтики Голынка-Вольфсона как новый тип работы с режимами ностальгии: «Правда, в отличие от киберпанка, где герой-рыцарь регулярно спасает мир или любимую женщину, персонажи Голынка навязчиво погружены в воспоминания и меланхолию. Собственно, одна из главных идей Голынка такова: воспоминания любовников о своем ушедшем или невозможном чувстве превращают весь мир в музей культуры. Причем музей этот может быть весьма живым и движущимся, всем вещам в нем присущ привкус виртуальности и

игры, они то и дело во что-то превращаются» [3, с. 9].

Такой иной Петербург поддерживается в книге стилизациями различных поэтик, связанных с культурной историей города, – от силлабической поэзии раннего В. Третьяковского до галантных мотивов М. Кузмина и трагического гротеска К. Вагинова. Эти стилизации оказываются не просто живым музеем, а механизмом оживления самих музейных порядков, самих различных вариантов музеефикации городского наследия. Так, стилизация силлабики требует прочитывать достопримечательности Петербурга как ряд иероглифов (на иероглифичность указывает запись слова «земля», поделенного на слоги), расположенных на плоскости городских впечатлений, некоей воображаемой исторической панорамы, существующей и в наши дни:

Говорил мне Геб, зем-ля Египта:
Вон Суворов-Марс взял на штык
вечность,
приставила горло к ножу
нежность,
спас-на-крови кровь
переупрямил.

Перед нами – сжатые экфрасисы: вместо подразумеваемых «Памятник Суворову на Марсовом поле с обнаженным для боя мечом относится к вечным произведениям искусства» или «Храм Спаса-на-крови показывает, что, несмотря на падение монархии, такие памятники упрямо оставались частью ландшафта Петербурга» мы

находим сжатые формулы, восходящие к поэтике перифрастических описаний города (И. Анненский, В. Маяковский) и ее продолжению в независимой петербургской поэзии: «Раскрыв, как устрицу, мой глаз – ножу» (Елена Шварц, «Сириус и пьяница меняются местами»), где также способ видеть или репрезентировать не отделяется от самого действия, а растворяется в нем. Сам Голышко-Вольфсон анализировал в качестве прецедентной для него поэтики творчество Д. А. Пригова, в котором он увидел наиболее радикальный проект критики субъективного действия как принадлежащего готовым порядкам и поддерживающего готовые порядки. На место этого субъективного действия должно встать переживание уже состоявшегося спасения: «Таким образом, в теологическом проекте Пригова не только быт и бытие слипаются в одно неразличимое, недифференцируемое единство, но вместе с ними также история и мифическое, время и вечность, смерть и бессмертие, Божественное и человеческое. В поэтическом проекте Пригова осуществляются полномасштабная отмена Истории и радикальный подрыв символического порядка, что перекликается с понятием «актуального настоящего» (Jetztzeit), разрабатываемым в мессианском марксизме Вальтера Бенямина» [2, с. 225].

Другая важная литературная стратегия Д. Голышко-Вольфсона – пастиши на темы русской школьной классики, где персонажи и авторы оказываются внутри одного поля дей-

ствия и, опять же, вместо тотального взгляда автора на происходящее с героем в действии героя и оказывается рядоположено всё, что могло произойти с автором:

В арсенале у рецидивистов
кремовые эклермёты –
и уже Родион Старообрядцев,
комендант каземата, в морге.

Родион Раскольников, названный перифрастически (раскольник – старообрядец), оказывается надзирателем арестованного Достоевского, при этом анализ автором героя выглядит его буквальной вивисекцией. Тогда подражание Раскольникова Наполеону оказывается рецидивом, а прощение и проповедь – чем-то слащавым. Иначе говоря, сама невозможность установить взгляд на Достоевского и Раскольникова как объективный потребовала понимать и речевые стратегии Раскольникова, и речевые стратегии Достоевского как ограниченные только внелитературным действием – наслаждением (вроде наслаждения кремом) или страхом перед смертью.

Таким образом, Голышко-Вольфсон прочитывает русскую классическую литературу как имеющую свои коды (как, например, медикалистский код Чехова), устанавливающие экспертную власть автора над написанным, однако при этом написанное может быть воспринято только тогда, когда само производство текста вызывает в читателе простые аффекты страха или наслаждения. Быстрый переход от одного кода к другому (например, от

некрасовского «там били женщину кнутом» к персонажам «Бедной Лизы» Карамзина) требуется самой этой поэтикой для проверки того, как воспринимаются в наши дни первые ассоциации, связанные с русской литературой, – в этом смысле Голышко-Вольфсон как поэт-постмодернист, конечно, близок поэтике позднеантичного центона или пастишей Д. А. Пригова. Но как продуктивная эта проверка начинает работать, как только мы вступаем в область поэтического искусствоведения этого автора, где пересекаются различные культурные миры в одной области готового выражения смысла.

Действительно, особое место в книге занимают произведения, в которых переплетаются петербургский и итальянский мифы русской культуры: «Павловский поэм», «Флорентийский поэм, или Итальянские хитрости» и «Венецианское утро». Во всех трех поэмах итальянские мотивы оказываются неожиданным ключом к сложной образности Петербурга и пригородов. Так, в первой поэме пейзаж Павловского парка оказывается эксцентричным:

до моста с макетом кентавра,
до всхолмий струнного лада,
где беспечальны тисы,
и Аполлон с колчаном опустелым
стережёт свою колоннаду.

Тисовая ограда – принадлежность классицистского парка – оказывается воображаемой частью пейзажного парка, и две реплики Аполлона в Павловске, на Парнасе и в Старой

Сильве оказываются объединены: в Старой Сильве, как помнят все гулявшие в Павловске, Аполлон мстит Ниобидам и явно собирается растратить все стрелы на убегающих дев, тогда как колоннада Парнаса, искусственный холм, должен как бы принять Муз с их ладом из Старой Сильвы. Общий образ кладбища и понимание скульптур Муз как памятников, поддержанные и символикой тиса как дерева смерти (и дерева, использовавшегося для изготовления луков), здесь размыкаются упоминанием кентавров на мосту через Славянку – слово «макет» указывает на зодчество и итальянские модели для дворцового зодчества в России, работу итальянских архитекторов, занимавшихся предварительным макетированием. Но и эти кентавры были изготовлены в Италии по специальному заказу; тем самым они служат знаком того, что Павловск как некоторый единый замысел состоялся и мы можем переживать сюжеты, в том числе и перипетии культур, исходя из общей состоятельности проекта.

Такая интерпретация поддерживается и другими строками цитируемой поэмы, где статуи Муз в Старой Сильвии соотносятся с гармонией Парнаса, игрой на лире Аполлона и Муз, которая прилична именно Парнасу, а не месту расправы с Ниобидами:

и папоротников парилки
в сильвии лир балтийских.

«Папоротников <...> балтийских» – анаграмма слова Павловск, и хотя в павловском парке папоротников

действительно много, сам образ парилки отсылает и к итальянскому югу, и к оранжереям Павловска, которые должны были сделать выращивание южных растений круглогодичным и тем самым победить время. Тогда становятся ясны и другие строки поэмы:

Там нет моей треуголки,
а тело берёзы дорийской
окаменело, перехитрив
времени тёмного зайца, –
на пальцы античности надев
обручальные кольца.

Дорические колонны в Павловске возведены как раз в колоннаде Парнаса, но сама идея колец, преодолевающих время, скорее отсылает к циферблату (двенадцати дорожкам, идущим лучами от центральной поляны) Старой Сильвы, где Аполлон, торжествуя победу, как бы останавливает время, время с его заячьим бегом скрывается в тени, тогда как окаменевший Аполлон, классицизовавший местный ландшафт из берез, и оказывается той хитростью истории, которая подчиняет античность золотому кольцу циклической вечности: повинует ее страсти и ее ностальгию заранее принятому расписанию. Золотое кольцо как образ счастливой, солнечной вечности – распространенный в поэзии образ («А счастье катится, как обруч золотой», О. Мандельштам), который может быть без труда раскодирован как алхимический образ обретения вечности с помощью особой процедуры трансмутации, превращения металла в золото.

Еще яснее образ Аполлона, не названный по имени, появляется во Флорентийской поэме в разделе о Ферраре, где похоронная процессия ночью оказывается описана как раз в алхимических символах, где лев и солнце – символы золота, т. е. преобразования жизни, а сера (сульфур) – образ вездесущего духа жизни, отождествляемого с красным цветом и сухой землей:

Световое уныние вносят
факельщики-гелиотропы
в огнепровод красноволосых
восковых свечей возле гроба
на эбеновом катафалке –
в нём полого, как геркуланум,
и, сродни подкопытной фиалке,
тело герцога скрыто сафьяном...

(...)

И двуглазой альпийской
лавиной
в епанче из серы безмерной
он сошел разгневанно в львиный
параллелепипед бессмертных.

Иначе говоря, погребаемый переходит от прежней жизни как осуществления власти, где красный цвет, огнепроводный, поддерживает единство власти и ритуала, к новой жизни как обретению истинного философского камня, к единственной бессмертной жизни. На солнце намекают также гелиотропы, хотя эти цветы не были еще известны в ренессансной Европе, сам греческий корень указывает на культ солнечного Аполлона; а образность серы подкреплена воспоминанием о вулканическом извержении, погубив-

шем Геркуланум. Контаминируются вулканическая активность Этны и лавина Альп как образность реконструируемых притязаний ренессансной Италии (конечно, Италии как культурного мифа, а не действительной Италии определенного периода) на то, чтобы определять культуру Европы, культуру и по ту сторону Альп.

Следует заметить также, что среди скульптур Старой Сильвии есть указания на два алхимических элемента: Меркурий как символ ртути и Флора как символ земли и серы, а также Венера, которая в ренессансной живописи выступала как основной символ алхимической трансмутации – золотое яблоко в ее руке, золотые волосы и украшения понимались как знаки состоявшегося преобразования материи. Тогда Аполлон, солнечный бог, как распорядитель времен и часов подчиняет себе и все переживания. Тяжкие и мировоззренчески роковые ощущения, которые в «Итальянских стихах» Блока оказывались определяющими для итальянского мифа, у Голышко-Вольфсона суть лишь часть игры по часам и календарю.

Верность этой поэмы «Итальянским стихам» Блока прослеживается везде: от почти прямых цитат («От нее уходил я в море» – «С ней уходил я в море» у Блока) до искусно применяемой символики минералов, цветов, деревьев. Но у Блока эти символы означали экстатическое переживание Италии, не избавляющее от меланхолии, тогда как у Голышко-Вольфсона все они находятся в распоряжении лири-

ческого героя, который поэтому может в любой момент аннулировать их (или радикально карнализировать, подчинив даже смерть и Воскресение календарю воображаемого карнавала [4, с. 710]), указав на разрыв между проектом, жанровым замыслом и действительным влиянием поэтических произведений:

Так не пахнет отчаянием рута,
как моих эпиграмм многогранник.
Их расклеил на всех воротах
и уплыл в халифат испаний (...)

Темы Блока преломляются в этих стихах с иронией, даже тема невозможности Воскресения оказывается подчинена не мировоззрению, а исключительно игре календаря:

Чтоб озорничать, нужды не зная,
всё в начале марта заложил я,
а сегодня Пятница Страстная,
и воскреснуть в срок не хватит
силы.

Вероятно, в эпизоде поэмы с похоронами феррарского герцога, которая в целом многократно отсылает к сюжетам и топосам «Итальянских стихов» Блока, отразилась еще образность самого известного произведения живописи кватроченто в Ферраре – астрологической росписи Палаццо Скифанойя, резиденции герцогов/эрцгерцогов д'Эсте в Ферраре, выполненной знаменитым Франческо дель Косса. На фреске «Май» мы видим триумф Аполлона, которому подчиняется Аврора, погоняющая впряженных в триумфальную колесницу четырех коней, символизирующих четыре времени суток. Старая

Сильвия в Павловске, где двенадцать дорожек расходятся от площади с Аполлоном по образцу циферблата, образуя часовые эффекты света и тени, выглядит как развитие основной идеи фрески с этими четырьмя конями разных оттенков. Аполлон держит в руках солнце и лук, и весь смысл этого отрывка тогда в том, что любые ритуалы верности, находящиеся во времени, подчинены равновесию близнечного мифа, власти близнецов, иначе говоря, репрезентативных отражений, над порядком событий: май – это месяц созвездия Близнецов, и на фреске мы видим их и как владеющих майским солнцем на среднем поясе, и в виде множества младенцев в композиции с Аполлоном. Таким образом, фреска в феррарском дворце оказывается ключом к этой новой оптике поэта, требующей не поддерживать эмоционально впечатления от произведений искусства и событий, но создать ту точку зрения, где эти события будут способствовать ее усилению и большей ясности взгляда.

Таким образом, последовательная программа Д. Голынка-Вольфсона, о которой критики писали как об основе его поэтики 2000-х годов, программа отстраненного и постмодернистского взгляда на культуру, который при этом позволяет открыть те порядки действия искусства, в том числе искусства жить, которые отрешены от привычных паттернов восприятия культуры и готовых эмоциональных ходов, возникает уже в стихах 1990-х годов и становится магистральной для книги

2001 года. Но возникает она там, где речь идет о способности искусства создавать некоторые непрерывные символические ряды, постоянно перекодируя эмоции с помощью различных матриц, таких как алхимия, астрология, античная мифология, архитектура и других. Все эти матрицы подразумевают различие между подлинником и копией (репликой), но при этом различие между разными опытами освоения пространства оказывается важнее. Ведь именно культурно обжитое пространство обладает той способностью аффицировать, затронуть человека и поразить его или ее так, что само понятие жизни уже перестает быть встроенным в готовые ряды эмоций и отношений, но делается моментом глубокого переживания культуры.

Библиографические ссылки

1. Голышко-Вольфсон Д. Директория [Электронный ресурс] : стихи. М. ; Тверь, 2001. 92 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/golynko1.html> (дата обращения: 01.02.2021).
2. Голышко-Вольфсон Д. Место монстра пусто не бывает (Божественное и чудовищное в теологическом проекте Д. А. Пригова) // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. С. 221 – 238.
3. Кукулин И. Исчезновение спектакля [Предисловие] // Бетонные голубки / Д. Голышко-Вольфсон. – М. : Новое лит. обозрение, 2003. С. 5 – 20.
4. Мальчугина О. С. Экзистенциальное в книге Дмитрия Голышко-Вольфсона «Директория» (серия «Тридцатилетние») // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2017. Т. 27. № 5. С. 707 – 711.
5. Платт К. М. Ф. На границе литературоведения, за пределами постсоветского опыта: Дмитрий Голышко-Вольфсон / авториз. пер. с англ. Я. Токаревой // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 213 – 220.

A. V. Markov

ART CRITICISM IMAGERY OF “DIRECTORY” BY DMITRY GOLYNKO-WOLFSON

The poetic book *Directory* (2001) by Dmitry Golyenko-Wolfson is an attempt to poetically comprehend the cultural changes of the 1990-s based on the St. Petersburg text of A. Blok and M. Kuzmin. Following these poets, Golyenko-Wolfson combined the “Petersburg” and “Italian” cultural texts in a complex way, introducing a common postmodernist optics and using the codes of Renaissance painting, architecture and alchemy for a new understanding of the emotions of the Russian Silver Age and cultural associations of our days.

Keywords: Golyenko-Wolfson, poetry hermeneutics, St. Petersburg text, cultural pattern, ekphrasis.

ОБРАЗ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ПОМПЕИ В КАРТИНЕ КАРЛА БРЮЛЛОВА И В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В статье проводится сравнительный анализ передачи образа последнего дня Помпеи в картине К. Брюллова и в современных поэтических текстах. Сравнение базируется на понимании, что культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем. Кратко описывается история города, извержения Везувия. Выявляются и в картине, и в стихах основные человеческие ценности, главная из которых – духовная сила человека, его способность противостоять разрушительным силам природы.

Ключевые слова: Помпея, трагедия, Везувий, К. Брюллов, поэтический текст.

Для современного мира характерны усиление процессов глобализации, расширение связей и углубление взаимодействия между государствами, усиление интегративных процессов во всех областях человеческой жизни. На этом фоне происходит глубокое осмысление феномена культуры как явления, пронизывающего все сферы социального бытия.

Ю. М. Лотман ввел понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов. Причем «сам текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции... В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории» [3, с. 179]. Текст является результатом семиотической деятельности, производением языка, искусства, культуры, элементом смыслового диалога [4].

Таким образом, любое произведение искусства – это текст культуры.

Ю. М. Лотман и многие другие ученые, работающие в области семиотики и культурологии, считают, что вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации обладает определенным единством. Культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем.

О специфике живописи и литературы еще в XVIII веке писал Г. Э. Лессинг в своем классическом труде «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», заложив тем самым основы европейской философско-художественной традиции. Он разделял виды искусства на пространственные и временные: «Живопись в своих подражаниях действительности употребляет средства и знаки, совершенно отличные от средств и знаков поэзии, а

именно: живопись – тела и краски, взятые в пространстве, поэзия – членораздельные звуки, воспринимаемые во времени» [2, с. 444].

В русской художественной традиции связь живописи и литературы всегда была неизбывной, начиная с художественных миниатюр в древнерусских книгах. Особенно ярко она проявилась в XIX веке. Крупнейший художественный критик того времени В. В. Стасов называл русскую литературу и искусство неразлучными близнецами [5]. Часто это могли быть общие темы у художника и поэта, о чем писал Г. Э. Лессинг: «Но так как поэт и художник, имея общие предметы для подражания, нередко должны рассматриваться с одинаковой точки зрения, то легко может случиться, что в их произведениях найдется много сходных черт, хотя бы они нисколько не подражали один другому. Это сходство черт, наблюдаемое у поэтов и художников одной эпохи, может быть даже очень полезно, взаимно облегчая толкование их произведений» [2, с. 419].

Ярким примером этому может служить образ Демона в живописи М. А. Врубеля и поэзии М. Ю. Лермонтова. Дух отрицания имеет в истории и литературе разные имена – Сатана, Мефистофель, Люцифер, Демон, Воланд. М. А. Врубеля и М. Ю. Лермонтова объединяет то, что в образе Демона они оба показывают стремление к возвышенному и героическому. М. А. Врубель говорил, что «Демона не понимают, путают с дьяволом..., а Демон по-гречески ... значит Душа».

Картины М. А. Врубеля «Демон сидящий», «Демон поверженный» раскрывают величие несломленного духа.

У М. Ю. Лермонтова читаем: Печальный Демон, дух изгнания, / Летал над грешною землей...» И портретные черты Демона у М. Ю. Лермонтова как будто перекликаются с картинами М. А. Врубеля: сиял он тихо, как звезда; нежность речей; жаркие уста; могучий взор и т. п.

Связь живописи и литературы могла проявляться через какое-то одно произведение, т. е. это могла быть конкретная картина художника и совпадающее по духу, стилю, факту литературное произведение: например, В. Г. Перов «Суд Пугачева» – А. С. Пушкин «Капитанская дочка», И. Е. Репин «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» – Н. В. Гоголь «Тарас Бульба», И. Н. Крамской «Русалки» – Н. В. Гоголь «Майская ночь», В. Г. Перов «Старики родители на могиле сына» – И. С. Тургенев «Отцы и дети» и т. п.

Живопись не может не привлекать поэтов, в стихах тоже создается воображаемая картина: в ней есть тона и полутона, есть свет и тень недосказанности, полунамека, глубина, настроение творца и т. д. Часто поэт одним точным словом может передать и изображенное на картине, и свое видение ее, и свои эмоции. Например, читаем у О. Мандельштама: «Художник нам изобразил / Глубокий обморок сирени...» Всего лишь две строки, а создана целая картина, только в отличной от живописи семиотической системе.

Остановимся подробнее на связи, взаимодополнении, отличиях в способах создания образов в живописи и поэзии на примере картины великого русского художника XIX века Карла Брюллова «Последний день Помпеи», которую он писал в Италии почти 6 лет (1827 – 1833). К. Брюллов тщательно собирал материал, много раз посещал Помпеи, делал натурные зарисовки. В письме матери он писал: «Живу меж развалин Помпеи... Все заставляет меня переноситься воображением в первый век». Картина вызвала взрыв восхищения в Италии и России и принесла художнику славу первого живописца России и западноевропейское признание.

Сюжет повествует об известной трагедии – гибели древнеримского города Помпеи в результате катастрофического извержения Везувия 24 августа 79 года н. э. На полотне изображено грандиозное стихийное бедствие: черное небо, вдалеке пылает вулкан, кровавые отблески извергаемой лавы, вспышки молнии сквозь пепел и гарь, падающие с крыш статуи, несчастные люди, пытающиеся спастись. Перед нами – космос людских страданий, и в этом космосе обнажаются человеческие души. Картина излучает добро и милосердие: сыновья выносят парализованного отца, женщина закрывает своим телом детей, мужчина собой защищает свою семью...

Художник своей картиной доказывает, что главная ценность в мире – это человек, духовная сила которого противостоит разрушительным силам природы.

Эту же картину катастрофы, но уже другими – языковыми – средствами рисует Мария Костынюк:

Немногим удалось тогда спастись,
Спустя лишь час Везувий
оживился,
Рванул на много километров
ввысь:
Прорвал нарыв, что столько лет
копился!
Летели в небо камни, пепел, газ,
Закрыли солнце – не пробьётся
лучик,
Светилось жерло в темноте, как
глаз,
Кровавым светом озаряя тучи.
В багровых сумерках метался люд.
Спаستись стремления напрасны
были.
Стенанья, крики, плач то там, то тут
Сливались в жуткий хор. Собаки
выли.
И тут посыпал с неба чёрный снег
Из пемзы, мелких камешков и
пепла.
Он погребал бесстрастно всё и
всех
В багровом свете адового пекла.
И вдруг сильнейший взрыв вулкан
сотряс
И треснул конус, не сдержав
напора,
А вырвавшийся раскалённый газ
Не в небо устремился, а на город!
С немыслимою скоростью поток
Гиеной огнедышащей катился,
Прошёл по городу и всё живое
сжёг.
Помпеи в город мёртвых
превратился.

Поэт как будто кистью пишет картину, кладя мазок за мазком: *летели в небо камни, пепел, газ; закрытое солнце, светило жерло в темноте; кровавый свет озаряет тучи; багровые сумерки; метания людей; черный снег из пемзы, мелких камешков и пепла; багровый свет адового пекла.* Кроме зримой картины извержения вулкана этот отрывок стихотворения дополняется акустическими образами: *Стенанья, крики, плач то там, то тут / Сливались в жуткий хор. Собаки выли.*

Совсем иной взгляд на катастрофу в Помпеях видим мы в стихотворении-рассуждении Михаила Галина. Приведем отрывок из него:

Не проще ли готовящейся тризне
Дать повод для спокойных
сожалений?!

Бесцельно дергать ритм
привычной жизни
В вопящей суматохе исступлений
Зачем? В преддверье скорого
забвенья
К чему предвосхищать
и суетиться?
Пускай беда сожмется
до мгновенья
Нежданного...
Чтоб даже не проститься...
Как был и не был...
Схлынувшей волною
Уходим мы из списка поколенья,
И новый вал с такою же судьбою
Сменяет нас на краткое мгновенье!
Брюллов, Брюллов! Когда бы не
картина,
Ну кто бы что бы помнил о Помпеях...

У каждого свой взгляд на гибель Помпеев. Михаил Галин философски рассуждает о смерти жителей Помпеев и о смерти вообще: *Пускай беда сожмется до мгновенья / Нежданного... / Чтоб даже не проститься... / Как был и не был...* Да, наверное, каждый не хотел бы страшной, мучительной смерти, уж если смерть, то – мгновенная. Но как свидетельствуют раскопки, у многих погибших смерть не была мгновенной, и, главное, – она сопровождалась настоящим ужасом. Незадолго до извержения Везувия повысилась температура воды в Неаполитанском заливе, пересохли все ручьи и колодцы на склонах Везувия, животные и птицы начали покидать места обитания около вулкана. Известный римский писатель Плиний Младший заметил странное поведение животных и сообщил об этом властям, но никто к нему не прислушался. Ночью 24 августа (по другим данным 17 октября) 79 г. н. э. началось землетрясение, а на следующий день все стало вокруг меркнуть и наступил полный мрак, а с неба начал падать пепел. Большинство жителей бежали из города в первый день.

Из 20 000 жителей Помпеев погибло около 2000. Всего в трех городах и соседних селах погибло примерно 16 000 человек. Это были те, кто недооценил степень надвигающейся катастрофы и решил остаться, а также те, кто слишком поздно решил бежать. С каждым часом двигаться из города бы-

ло все труднее, а затем и вовсе стало невозможно, так как ноги идущих застревали в пемзе, а сверху лил дождь из пепла и горячей воды. Некоторые помпейцы побежали в гавань, но корабли уже были выведены из строя пеплом и камнями. О каком мгновении можно говорить, если страх охватил людей за часы до пика извержения, когда стали шататься здания, появился пепел, но еще не было огненной лавы, а страх уже был и постепенно превращался в ужас? На фотографиях с раскопок можно видеть не только положение тел в момент гибели, но даже выражение ужаса и агонии на лицах. Очевидец тех событий Плиний Младший писал Тациту: «Уже первый час дня, а свет неверный, словно больной. Дома вокруг трясёт; на открытой узкой площадке очень страшно; вот-вот они рухнут. Решено, наконец, уходить из города; за нами идёт толпа людей, потерявших голову» [1, с. 45].

Беда не сжалась до мгновения. На следующее утро темнота стала рассеиваться. В душах людей зародилась надежда, но оказалось, что впереди их ждал апофеоз катастрофы – из жерла Везувия хлынули светящиеся потоки лавы, сжигающие всё на своем пути. Следующие часы были самыми страшными. Сила извержения была такова, что пепел от него долетел даже до Египта и Сирии. Люди сгорели заживо при температуре 500 и более градусов Цельсия. Тепловая энергия, выделенная Везувием, многократно пре-

восходила ту, что была зафиксирована при атомном взрыве над Хиросимой. Как показали последние научные исследования, действительно мучительная смерть ждала тех, кто, спасаясь от ударной волны, спрятался в каменных сараях для лодок, – люди медленно заживо запеклись, как в духовом шкафу. Последние исследования раскрывают ужасную картину: часть жителей спрятались, но смерть их была ужасна – они запеклись заживо. Читаем у Н. Белоусовой:

Столб дыма и пламя, круша все
вокруг,
Визувий, как монстр,
взбесившийся вдруг.
Оставит под лавой намек на тела.
Погибнут Помпеи! Сгорит все
дотла!
Исчезнут на более тысячи лет,
Оставив потомкам трагедии
след.

Г. Э. Лессинг писал о специфике живописи: «В произведениях живописи, где все дается лишь одновременно, в сосуществовании, можно изобразить только один момент действия, и надо поэтому выбирать момент наиболее значимый, из которого бы становились понятными и предыдущие и последующие моменты» [2, с. 445].

В картине К. Брюллова проявляются два хронотопа: первый – это пространство и время данного момента, т. е. «здесь и сейчас». Но мы видим и иной хронотоп: прошлое этого города – каменные дома, красивые статуи.

Помпеи были богатым, процветающим древнеримским городом. Вот как город описывает В. Гусев:

Базилики, театры, термы, виллы,
Сады и зелень нежная лугов...
Прекрасные здесь храмы
возводили,
Стараясь ублажить своих богов.

Но жители Помпеев считались самыми распущенными в Римской империи. В Помпеях было много публичных домов и увеселительных заведений, нормой были педофилия и прочие извращения, город славился жрицами любви (при раскопках были открыты многочисленные фрески эротического содержания).

Извержение вулкана остановило течение жизни – позы людей, дома, бытовые предметы и даже социальные отношения (хозяева и рабы) и т. п. И «откопанный» город предстает как застывшая, но абсолютно достоверная картина жизни Помпеев.

В чем видели причину гибели Помпеев современники? Они воспринимали ее как гнев богов за недостаточное поклонение им. Но сами римляне также считали это и карой богов за нравственную деградацию жителей города. Именно эта мысль прослеживается в строках Татьяны Фроловой:

Вновь отрастают ветки сикоморы
И роет норку новую хорёк...
Похожий грех Содомы и Гоморры,
На смерть Помпеи жителей обрёк.

Он тыщи лет покоился под
пеплом;

Застывшей лавой был в веках
залит.

Его трагедия была не столь
нелепой,

Сколь обретала божьей кары
вид...

Ничего подобного нет в картине К. Брюллова. Люди на его картине – Люди; художник отразил в них высшую степень доброты, самоотверженности, смелости, мужества, веру в возможность спасения, защиту слабых и беспомощных. Он воспевает человека, его силу духа, его способность бороться, защищать и защищаться до последнего вздоха... Вечный вопрос: человек грешен, он может поддаться любым грешным соблазнам, но в критическую минуту в нем срабатывает что-то настоящее, не только в Помпеях – всегда. История знает немало примеров, когда отдавали жизнь за чужого ребенка, когда бросались в огонь, чтобы спасти близких, когда шли под дуло автомата за свою Родину (а значит, за детей, родных, за свою беспомощную мать, за сестру и т. п.). В картине нет пессимизма, несмотря на то что показана страшная трагедия. К. Брюллов противопоставил смертельной природной стихии телесную и душевную красоту и величие человека, которые превращаются у него в могучую силу и вопреки смерти утверждают жизнь.

Библиографические ссылки

1. Леонтьева Г. К. Карл Павлович Брюллов. Л. : Художник РСФСР, 1991. 196 с.
2. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Избранные произведения. М. : Худож. лит., 1953. С. 385 – 516.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.
4. *Его же*. История и типология русской культуры : Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб. : Искусство-СПБ, 2002. 765 с.
5. Стасов В. В. Избранные статьи о русской живописи. М. : Дет. лит., 1984. 154 с.

E. Yu. Muratova

**IMAGE OF THE LAST DAY OF POMPEII
IN THE PAINTING OF KARL BRYULLOV AND IN MODERN POETRY**

The article presents a comparative analysis of the image transfer of the last day of Pompeii in the painting by K. Bryullov and in modern poetic texts. The comparison is based on the understanding that culture is the sum or even a single organism of different texts, different semiotic systems. The history of the city and the eruption of Mount Vesuvius are briefly described. The main human values are revealed both in the picture and in the poems, the main of which is the spiritual strength of a person, his ability to resist the destructive forces of nature.

Keywords: Pompeii, tragedy, Vesuvius, K. Bryullov, poetic text.

**О КОСМОСЕ В ХРАМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ
ВЛАДИМИРСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ, РАСПОЛОЖЕННОГО
В ЗДАНИИ НИКОЛО-КРЕМЛЕВСКОЙ ЦЕРКВИ)**

В статье предложен социально-философский анализ развития деятельности Владимирского планетария с точки зрения теории «аутопойетических» систем Никласа Лумана. Открытие планетария в апреле 1962 года, в честь годовщины полета в космос Ю. Гагарина, в то же время было частью усиления идеологической борьбы с религией в хрущевскую эпоху, дистанцировавшейся от прежней сталинской политики, направленной на вовлечение РПЦ в проекты власти, когда была свернута активность «союза воинствующих безбожников». Деятельность планетария менялась с изменением политического и социально-культурного контекста: от атеистической пропаганды и воспитания научно-материалистического мировоззрения в рамках партийной программы до современного музея космонавтики, включенного во всероссийскую Ассоциацию музеев космонавтики (АМКОС). Расположение планетария в здании бывшего православного храма также транслирует исторически сформировавшиеся коммуникативные смыслы, имеющие неоднозначную и многогранную интерпретацию.

Ключевые слова: Владимирский планетарий, атеистическая пропаганда, социальный аутопойезис, Н. Луман.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-011-00847 А

В 1962 году во Владимире в историческом центре города, на высоком холме, в здании Николо-Кремлевской церкви был открыт планетарий, располагающийся там по настоящее время. Работа учреждения строилась в контексте решений XXII съезда КПСС, проходившего в октябре 1961 года, на котором была утверждена новая программа Коммунистической партии Советского Союза. «Для перехода к ком-

мунизму, – утверждал руководивший работой съезда Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, – необходимы не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан общества» [9, с. 3]. В задачах партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры акцент был сделан на утверждение у советских граждан научно-материалистического

мировоззрения, а также на окончательное преодоление «пережитков капитализма в сознании и поведении людей», в число которых входили «религиозные предрассудки» и «суеверия» [20, с. 412]. Для этого необходимым предполагалось ведение систематической научно-атеистической пропаганды, включавшей разъяснение несостоятельности религиозных верований с опорой на достижения современной науки, которая, как считалось, «все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах» [Там же]. В хрущевский период борьба с религией планировалась и выстраивалась как «продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания» [9, с. 3], охватывавшая все слои и группы населения.

В том же 1962 году исполнилось 40 лет со дня публикации статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в связи с чем власти поставили на повестку дня необходимость развертывания атеистической пропаганды как «активной, напористой, неослабной» и «непримиримой борьбы» с религиозными суевериями [3, с. 5]. Основным средством в этой борьбе позиционировались наука и популяризация новейших достижений в естественно-научных областях – физике, химии, биологии, астрономии. Как пишет В. Смолкин, именно в этот период «планетарий считался наиболее подходящим местом для проведения

атеистической работы» [28]. Если в начале 1950-х годов в стране насчитывалось 13 планетариев, то к 1970-м годам их было более 90 [22].

Символика освоения космоса стала эффективным проектом атеистической пропаганды, «новым мощным оружием в борьбе против религиозных суеверий» [5, с. 9], наглядным доказательством, с точки зрения советских идеологов, не только покорения высших сил, но и отсутствия на небе богов и сверхъестественного мира как такового. Популярны были интервью с космонавтами, где они отвечают на вопрос: «Встречали, видели ли вы богов, ангелов, святых?», – ответы Ю. А. Гагарина [6], Г. С. Титова [29] резюмируются строками В. Маяковского: «Небо осмотрели и внутри и наружно, Никаких богов не обнаружено» [21]. Работа по атеистической пропаганде строилась «единым фронтом» [24, с. 9] – программа партии, идеологическая комиссия при ЦК КПСС, координационный совет по атеизму при Академии наук, Институт научного атеизма при ЦК КПСС, кафедры на философских, исторических факультетах ведущих университетов страны, республиканские, областные, краевые и районные отделения Общества по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»), культурно-просветительские учреждения различного уровня и направленности, школы и детские сады.

В последних числах апреля 1962 года в здании Николо-Кремлевской церкви, расположенной на холме в ис-

торическом центре города Владимира, был открыт 41-й в стране планетарий – «Звездный дом» (по образному выражению В. Антонова) [2]. Примечательно, что в статье «Будни и нужды планетария» директор планетария А. А. Краснов называет его просто «здание», говоря о том, что оно было «принято с большими недоделками», его «внутренний и внешний вид весьма непривлекательны», крыша протекает, стены нуждаются в ремонте, «зал фойе мрачный и плохо освещен» [13].

Такое плачевное состояние храма, построенного в 1761 – 1769 годах на месте прежней деревянной церкви [27, с. 450], объясняется его судьбой в период утверждения советской власти, которая, начиная с 1929 года, предпринимала неоднократные попытки его закрыть. В 1933 году горсовет передал церковь обновленческой общине, которая через некоторое время от нее отказалась, а 29 июля 1934 года облисполком закрыл церковь, приняв решение об использовании здания под склад [8, с. 13]. Владимирский планетарий был далеко не единственным, созданным в переоборудованном православном храме, – к примеру, планетарии в Нижнем Новгороде, Ярославле и Барнауле также размещались в церквях.

Административное решение о размещении учреждения в культовом сооружении носило как практическое (наличие купола, хорошая акустика, экономичность затрат), так и идеологическое значение. Это было словно ответом на «укор» со стороны «клерикалов» и «империалистов», заключенный во фразе «Церковь в СССР – крепость, которую еще не взяли коммунисты» [11, с. 16]. Владимирский планетарий был оборудован аппаратом УП-4, сконструированным в экспериментально-механической мастерской при Московском планетарии, снабжен комплектами цветных диапозитивов и методической литературы. Лекционная работа с населением велась по следующим направлениям: астрономия и освоение космоса; физическая география; научный атеизм; для младших школьников. В число лекций по научному атеизму входили следующие: «Как возникла религия и вера в бога», «Религиозные праздники и их вред», «Наука и религия о Вселенной», «Будет ли конец мира?», «Мифы и легенды о звездном небе», «Наука и религия о необыкновенных небесных явлениях», «Великие борцы за науку», «Правда о местных святых», «Правда о религиозных таинствах», «Существует ли загробный мир», «Есть ли у человека душа» [16, с. 3]. Как пишет директор планетария А. А. Краснов, такие лекции проводились для всех категорий посетителей с учетом возраста и уровня образования [16, с. 4].

Интересным примером может служить лекция «Русские художники о религии», прочитанная членом общества «Знание» В. В. Грушковским, где подробно разбирались сюжеты и смысл картин «Проповедь на селе», «Сельский крестный ход на Пасху», «Чаепитие в Мытищах» В. Г. Перова; «Крестный ход в Курской губернии»,

«Отказ от исповеди» И. Е. Репина; «Молебен во время засухи» Г. Г. Мясоедова; «Неравный брак» В. В. Пукирева. В задачи лектора входило вскрыть «антинародную и реакционную сущность религии» и выразить «отрицательное отношение к церкви, к ее обрядам» [16, с. 13]. В отчете указано, что за прошедшие 5 лет работы планетария в нем были прочитаны 4000 лекций, из которых 1500 – по астрономии, 700 – по научному атеизму, 350 – по физической географии. «Лекции по научному атеизму, – отмечал Александр Александрович Краснов, – раскрывают перед слушателями причины возникновения религии и веры в бога, знакомят с учением о реакционной и классовой сущности религии, с деятельностью великих борцов за науку против религиозного миропонимания, с требованиями программы КПСС о решительной борьбе против религии в современных условиях» [Там же, с. 4]. Владимирский планетарий проводил свои лекции также в учреждениях города. А. А. Краснов отчитывался о тесном сотрудничестве с заводами «Точмаш», «Автоприбор», «ВЭМЗ», объединением «Техника», стройтрестом № 94, школами и клубами [15]. В 1970-е годы оснащение планетария было значительно улучшено: появились новые аппараты для демонстрации звездного дождя, молнии, оборудованы панорамы Арктики, тропиков Луны, города Владимира и Москвы, были приобретены точные копии трех первых искусственных спутников Земли [22],

более 70 комплектов диапозитивов на самые разные темы, оформлены росписи и стенды «Человек и космос», «Великие борцы за науку», «Как возникла религия», студентами физико-математического факультета Владимирского педагогического университета изготовлен маятник Фуко [15].

После XXV съезда КПСС (1976) продолжало развиваться направление просветительской работы по линии формирования марксистско-ленинского материалистического мировоззрения, была существенно расширена тематика лекций [14]. При этом стоит отметить, что названия лекций по научному атеизму не менялись на протяжении 15 лет деятельности планетария.

В 1982 году планетарий отмечал свое 20-летие. В статье «Сорок первый в стране» впервые было указано, что он размещается в здании «бывшей Николо-Кремлевской церкви» и что «ныне о храме напоминают лишь сводчатые потолки в зале-фойе и рабочих комнатах» [30]. Новый директор Т. А. Хачатурян писала: «Наша важнейшая задача – достичь того, чтобы каждая научно-популярная лекция была в то же время и атеистической, способствовала воспитанию материалистического мировоззрения» [Там же]. В целом в то время, когда слова «бог», «церковь», «слово божие» писались с «маленькой» буквы, а «Космос», «Земля», «Человек» – с «большой», планетарий в советском Владимире был учреждением, целенаправленно созданным для приобщения к «чудесным тайнам Вселенной» [Там же].

В 1988 году Владимирский планетарий был закрыт на ремонт. С этого периода для его сотрудников все тревожнее звучал вопрос: «Будут ли звезды под куполами?» [7]. Лекторы планетария проводили выездную работу, но отмечали, что, к сожалению, «спрос на лекции упал», о чем сообщает Т. А. Хачатурян, отмечая, что «в старые годы, когда общество “Знание” находилось под крылом КПСС, а работники планетария иногда выступали под его эгидой, редкий парторг или профорг на предприятии отказывал в приеме» [Там же]. В свою очередь В. Головкин интересовался сотрудничеством религии и планетариев «как популяризаторов научных знаний», на что Т. А. Хачатурян ссылалась на успешный опыт Соединенных Штатов Америки, где «наука и религия спокойно уживаются» [Там же]. Именно в этот период начинается активное возвращение церковных зданий Русской Православной Церкви, а эпитет «воинствующая» начинают адресовать уже не атеизму, а религиозности [Там же].

«Планетарий – место таинственное», – такими словами начинается статья в газете «Всполье» за 1994 год [32]. В этом году учреждение, наконец, открылось после ремонта и не погибло «при наступлении всеобщей коммерциализации» [Там же]. В числе экспозиций появилась единственная в стране диорама «Запуск космического корабля системы “Энергия-Буран”». Внутренний интерьер благодаря витым железным дверям, стилизованным люстрам, деревянным резным скамьям стал напоми-

нать католический храм [Там же]. Читалось более 70 лекций общепознавательного и специального характера: «Сказка на небе», «Удивительные планеты», «Загадочные созвездия» и др. Атеистическая тематика перестала быть актуальной, востребованной, обязательной для проведения и была исключена из работы. В конце 1990-х годов культурная программа включала также разнообразные утренники, праздники, театрализованные представления для школьников, сеансы психологической разгрузки для сотрудников милиции, свадебные программы для молодоженов, составление личных гороскопов [18].

Нужно сказать, что планетарий остается любимым культурным учреждением горожан (как детей, так и взрослых), которые, «задрвав головы и позабыв про остеохондроз в шейных позвонках, смотрят в “ночное небо”» [19]. В 2002 году поднимался вопрос о передаче здания под юрисдикцию РПЦ, однако жители выступили против такого решения, указывая на то, что в России существенно сократилось количество планетариев, а Владимирский – единственный на всю Московскую, Владимирскую и Ивановскую области [31] – в течение 40 лет служит «настоящим приютом всем тем, кто изучает мироздание и Вселенную, кто пытается увидеть, узнать из глубинки необъятной России, насколько богат, многообразен, сложен, прекрасен мир, сотворенный Создателем» [Там же]. В это время формы работы планетария как учреждения культуры обогащают-

ся – проводятся выставки работ художников-космистов, выставки детских работ, концерты, в том числе на духовную тематику. Так, в исполнении полномочного министра ФРГ Р. Крауса и стипендиатов международного фонда В. Спивакова прозвучало сочинение Й. Гайдна «Семь слов Спасителя на кресте» [23].

Владимирский планетарий часто называют «ретропланетарием» – в нем до сих пор функционирует аппарат УП-4, установленный в 1962 году. В 2000-х годах Владимирская епархия обращалась в администрацию города с вопросом возврата здания Русской православной церкви, планировалось строительство и оборудование нового здания для планетария, отвечающего современным техническим запросам, однако вопрос не решен до сих пор. В интервью 2012 года очередной директор учреждения Николай Полозов соглашался с тем, что «церковь должна быть не только архитектурным памятником, но и выполнять свое основное предназначение», тогда как планетарий должен реализовывать свои задачи и выполнять главную функцию – просветительскую [10]. Теперь деятельность планетария мыслится не в противостоянии науки и религии, но как оппозиция «псевдонаучным знаниям» [Там же].

С 2015 года Владимирским планетарием руководит Владимир Александрович Балабанов. Более 20 лет городской «звездный дом» является членом общероссийской общественной организации «Ассоциация музеев кос-

монавтики России» (АМКОС, основана в 1989 году) [12], которая стала первой в стране профильной ассоциацией, призванной объединить музеи космонавтики, музеи других направлений, имеющие экспозицию по космонавтике, школьные музеи космонавтики, планетарии сначала республик Советского Союза, а затем – России [25]. Работа планетария сегодня – это в первую очередь активная лекционная деятельность по астрономии, актуальным вопросам современной науки для широких слоев населения. В планетарии можно не только понаблюдать за звездным небом в телескоп, но и поучаствовать в развлекательных программах – различных праздниках, конкурсах, викторинах, выставках, концертах, музыкально-поэтических гостиных.

С 2010 года здесь проводятся творческие встречи «Звездные гостиные», которые родились как ответ на потребность в душевном общении «в те годы, когда рвались привычные связи, во время поиска новых дорог, в том числе и для страны» [1, с. 34]. Тематические гостиные были посвящены некоторым страницам нашего прошлого, различным книгам, знакомству со страной. Здесь обсуждали «Хождение Авраама Суздальского на Осмый Собор с митрополитом Исидором», повесть Ермолая-Еразма «О Петре и Февронии Муромских», которая стала ключевой в программе «Святые Владимирской земли», где также были освещены судьбы Андрея Боголюбского и Александра Невского. «Звездные гостиные» богаты своими символиче-

ским традициями. Они начинаются с раскачивания маятника Фуко и зажигания свечей [1, с. 35].

Социально-философский анализ

Феномен Владимирского планетария мы рассмотрим с точки зрения концепции немецкого социолога Никласа Лумана (Niklas Luhmann, 1927 – 1998), в рамках которой общество представляет собой «аутопойетическую» систему коммуникаций, на современном этапе функционирующую дифференцированно посредством различных подсистем, таких как наука, экономика, политика, искусство, религия, образование [33, с. 2] и др. В этой концепции каждая подсистема ответственна за собственный аутопойезис, т. е. формирование элементов и структур в ходе коммуникативных операций, по-своему наблюдая общество и окружающий мир посредством уникального системного кода, программ и метатеории. Теория «аутопойетических» социальных систем Лумана, сформулированная во второй половине 1980-х годов, представляет собой продолжение традиции критики тоталитарных и унифицирующих логик интерпретации мира и построения «регулируемых» идеальных обществ. Социальная реальность современности поликонтекстна, не допускает вмешательства или доминирования одной из систем (чаще всего политической) на функционирование остальных. Современный мир характеризует «сложнопроизводность», поэтому его можно описывать «только различными» способами [17, с. 163].

При анализе феномена Владимирского планетария проявляется продуктивность лумановской концепции при описании отдифференциации его от подсистемы политики как политически и идеологически ангажированного учреждения (в начале) до независимой научно-просветительской деятельности в качестве музея космонавтики; от музея-центра атеистической пропаганды Владимирского региона до естественно-научного музея в рамках ассоциации музеев космонавтики как широкого феномена российских и международных мероприятий по астрономии. Акцентирование внимания на противоречивости науки и религии как противоборствующих сфер, утвердившееся в мировой культуре XVIII – XIX веков, оказалось нежизнеспособным после распада СССР. Вместе с тем в этот же период выяснилось, что оппозицией науки правомерно назвать то, что стали именовать «не наукой», «псевдонаукой» и т. п., тогда как обсуждение духовных и религиозных тем в стенах музея космонавтики ничем не умаляет достоинства каждой из областей, демонстрируя обоюдное взаимопознание. Само расположение планетария в здании храма сегодня конструирует новый контекст, в котором любое архитектурное сооружение, как это было осмыслено еще в витрувианской концепции, дифференцировалось по функции, конструкции и эстетике. Н. Л. Прак выделяет три вида пространства: физическое (объем воздуха), концептуальное (то, что мы видим или визуализируем) и поведенческое

[26, с. 7]. В нашем случае «визуальный код» Николо-Кремлевской церкви отсылает к христианской символике храма как «тела Христа», сообщества верующих, а пропорциональность, сообразность и гармония здания являются воплощением красоты божественного творения. Новое функциональное значение, приданное церкви в 1962 году, выразило противостояние визуальной символики христианства и советской научно-просветительской деятельности как пропаганды атеизма, разгадывающего тайны бытия. Отчасти согласие таких альтернативных форм может быть найдено в античной концепции музейона как храма муз, покровительниц наук и искусств, когда слово «мудрец» было синонимом слову «астроном», а небо побуждало людей искать в своих пространствах знаки божественной воли и знамения Зевса (Διοσκειῖα) [4, с. 162]. Так, античная парадигма наблюдения космоса была тождественна благоговению перед его божественным и гармоничным устройством, а познание космоса, философия, еще Аристотелем называлось теологи-

ей. Луман определяет религию предельно широко как коммуникацию, осуществляющую наблюдение за непостижимым (unfaßlichen) и невидимым (unsichtbarer) [35, s. 33]. Применяя это определение, можно констатировать, что в советский период идеологической борьбы с религией деятельность планетария была легализованной формой общения с неизвестным, загадочным, таинственным и далеким, осуществляемой в терминах естественно-научной области и космической символики, призванных освоить непостижимое. Со сменой социально-политического контекста на примере Владимирского планетария отчетливо видно, как происходит «аутопойезис» коммуникации, как естественная логика развития одерживает победу над навязанными понятиями, нормами, целями, программами и учреждение включается в ситуацию саморегулирования, отличает собственные границы, ориентируется на культурно-просветительскую деятельность в области астрономии, освоения космоса в системе подобных организаций.

Библиографические ссылки

1. Андреева Т. А. Знает будущее время // Старая столица: краевед. альм. / Центр. город. б-ка г. Владимира, отд. краевед. исслед. Владимир : Транзит-ИКС, 2016. Вып. 10. 134 с.
2. Антонов В. Звездный дом // Комсомольская искра. 1962. 11 мая.
3. Боевое оружие воинствующего атеизма // Наука и религия. 1962. № 3. С. 3 – 8.
4. Буше-Леклерк О. История гадания в античности. М. : Либроком, 2020. 422 с.

5. Всесоюзное совещание атеистов. Вступительное слово директора Института философии АН СССР, академика П. Н. Федосеева // Наука и религия. 1962. № 5. С. 7 – 11.
6. Гагарин Ю. А. На пороге грядущих штурмов // Наука и религия. 1964. № 4. С. 10.
7. Головкин В. Будут ли звезды под куполами // Местное время. 1992. 21 марта.
8. Ершов А. Закрытие владимирских храмов в советские годы // ГЛЕБ : православ. молодеж. журн. 2017. № 4. С. 7 – 17.
9. За продуманную и стройную систему научно-атеистического воспитания // Наука и религия. 1962. № 1. С. 3 – 8.
10. Игнатова И. Владимирский планетарий готовится к переезду // Владимирские ведомости. 2012. 13 апр.
11. Ильичев Л. Ф. Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // Наука и религия. 1964. № 1. С. 5 – 29.
12. Книга – летопись «30 лет – АМКОС» [Электронный ресурс]. URL: <http://planetarium33.ru/news/289-kniga.html> (дата обращения: 07.02.2021).
13. Краснов А. Будни и нужды планетария // Призыв. 1964. 12 нояб.
14. *Его же*. Занимательно, интересно, доступно // Призыв. 1977. 28 апр.
15. Краснов А., Хачатурян Т. Взгляните на звезды // Призыв. 1975. 25 сент.
16. Краснов А. А. О пропаганде естественно-научных и атеистических знаний в современных условиях. (Из опыта работы Владимирского городского планетария при парке им. А. С. Пушкина). Материал в помощь лектору, пропагандисту, организатору научно-атеистической и естественно-научной работы : рукопись. Владимир, 1967.
17. Луман Н. Общество общества : в 2 т. М. : Логос, 2011. Т.1. 640 с.
18. Мальцева П. Где найти «зеленых человечков» // Владимирские ведомости. 1999. 22 окт.
19. Мартова К. Московский планетарий закрыли, а владимирский устраивает «звездные свадьбы» // Молва. 1998. 25 июня.
20. Материалы XXII съезда КПСС. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 412.
21. Маяковский В. В. Летающий пролетарий [Электронный ресурс]. URL: http://v-mayakovsky.com/flying_proletarian.html, свободный (дата обращения: 07.02.2021).
22. Мухина Л. Открылась бездна звезд полна // Призыв. 1972. 18 мая.
23. Найденова А. В сияньи звезд постичь законы мира // Владимирские ведомости. 2002. 28 мая.

24. Новиков М. Единым фронтом // Наука и религия. 1962. № 3. С. 9 – 10.
25. Об ассоциации [Электронный ресурс] // АМКОС. URL: <http://amcos.ru/about.php> (дата обращения: 07.02.2021).
26. Прак Н. Л. Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории / пер. с англ. М. : Дело, 2017. 288 с.
27. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область : в 6 ч. / отв. ред. Вл. В. Седов ; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. М. : Наука, 2004. Ч. 1. 752 с.
28. Смолкин В. Свято место пусто не бывает [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/viktoriya-smolkin/svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-istoriya-sovetskogo-ateizma/>, ограниченный (дата обращения: 07.02.2021).
29. Титов Г. С. Встретил ли я бога // Наука и религия. 1962. № 1. С. 10.
30. Федоров Н. Ф. Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995. Т. 2. 544 с.
31. Хачатурян Т. Сорок первый в стране // Призыв. 1982. 30 апр.
32. Цветкова Е. Не закрывайте планетарий // Владимирские ведомости. 2002. 14 марта.
33. Шаулов С. Я. Пролетарий подался в планетарий: хотел поглядеть на вселенную давно // Всполье. 1994. 22 июля.
34. Luhmann N. Art as a social system. Stanford: Stanford University Press, 2000. 422 p.
35. Luhmann N. Funktion der Religion. Frankfurt am Main. Suhrkamp, 1982. 326 s.

E. I. Arinin, M. S. Lyutaeva

**ABOUT SPACE IN THE TEMPLE (BASED ON THE HISTORY
OF THE VLADIMIR PLANETARIUM, LOCATED IN THE BUILDING
OF THE NIKOLO-KREMLIN CHURCH)**

The article offers a socio-philosophical analysis of the dynamics of the development of the Vladimir Planetarium from the point of view of Niklas Luhmann's theory of "autopoietic" systems. The opening of the planetarium in April 1962, in honor of the anniversary of Yuri Gagarin's space flight, was at the same time a part of the intensification of the ideological struggle against religion in the Khrushchev era. The functioning of the planetarium changed in response to the political and socio-cultural context: from atheistic propaganda and education of a scientific and materialistic worldview within the framework of the party program to a modern museum of cosmonautics included in the Russian Association of Cosmonautics Museums (AMCOS).

The location of the planetarium in the building of an Orthodox church also conveys historically formed communicative meanings that have an ambiguous and multifaceted interpretation.

Keywords: Vladimir Planetarium, atheistic propaganda, social autopoiesis, N. Luhmann.

УДК 1 (091)

Л. Е. Жукова

«БХАГАВАД-ГИТА» КАК ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ

Статья посвящена анализу религиозно-философских идей мыслителя эпохи Бенгальского Возрождения Свами Вивекананды, сформированных им на основе древнеиндийской поэмы «Бхагавад-гита». В качестве источников для изучения послужили лекции Вивекананды, посвященные поэме, а также сборники его работ, собранные и опубликованные его последователями. Итогом исследования становится выявление тенденции придания комментариям к древнеиндийскому тексту идеологии национально-освободительного движения Индии.

Ключевые слова: индийская философия, Бенгальское Возрождение, Бхагавад-гита, эпос, Вивекананда, йога.

Гиту вы сможете понять легче,
когда ваши мышцы станут сильнее.

Свами Вивекананда

Введение

Свами Вивекананда (мирское имя – Нарендранатх Датта) (1863 – 1902) – всемирно известный общественный и религиозный деятель Индии. Философское наследие Вивекананды настолько многогранно, что наиболее целесообразным представляется говорить об отдельных его аспектах, которые включают религиозные, социальные, этические, онтологические вопросы.

Исследователь Е. В. Волгина говорит о подъеме в последние десятилетия интереса к творчеству Вивекананды, который связывает с националистическим направлением в современной индийской политике. Примечательно, что в целях популяризации его образа современный премьер-министр Индии Нарендра Моди «призывал молодежь чтить Вивекананду, выступал на фоне портрета Вивекананды, медитировал над тапочками Вивекананды» [3, с. 164]. Красно-речивым подтверждением почитания мыслителя служит факт строительства в 1970 г. грандиозного мемориального

комплекса Вивекананды на скалистом острове вблизи города Каньякумари на юге Индии, где образ Вивекананды считается священным.

Взросший интерес к наследию Вивекананды у него на родине делает актуальным исследование тех положений его учения, которые могут оказать влияние на тенденции развития современного индийского общества, что в условиях глобализации социальных процессов имеет значение в масштабах всего человечества. На наш взгляд, такие тезисы «великого индийца» наиболее полно отражены в его комментариях к древнеиндийской поэме «Бхагавад-гита» (далее – БхГ).

БхГ как основа учения Вивекананды

Отметим, что творческое наследие Вивекананды сложно представить в отрыве от основных идей БхГ. Вивекананда не только называет поэму «жемчужиной всей индийской литературы», но и считает ее источником «высших истин философии и религии» [14, с. 6]. Столь трепетное отношение к произведению стало одной из причин формирования им отдельных частей своей философской системы именно на ее основе.

Вивекананда не создал единого, систематичного комментария к БхГ, однако он часто обращался к этому тексту и полностью посвятил ему свои четыре лекции. Первая лекция, известная в собрании его сочинений под названием «Мысли о Гите», была прочитана в 1897 г. в Калькутте; еще три

лекции на эту тему он прочитал в 1900 г. в Сан-Франциско. В этих выступлениях Вивекананда передал свою интерпретацию важного древнеиндийского памятника, акцентировав внимание именно на тех аспектах поэмы, которые наиболее полно отражали сущность его собственного учения. Кроме того, большинство работ Вивекананды буквально пронизано идеологией БхГ, многочисленные ссылки на поэму он приводит в трудах, посвященных карма-йоге, бхакти-йоге и джняна-йоге.

Стоит упомянуть, что БхГ стала одной из тех основ, на которых строились учения мыслителей индийского ренессанса¹, яркими представителями которого, кроме Вивекананды, были Б. Г. Тилак, А. Гхош, М. К. Ганди. Советский и российский востоковед В. С. Костюченко отмечает важную роль БхГ в идеологии движения, направленного против английского господства в Индии, называя обращение к БхГ в трудах ведущих мыслителей «симптоматичным» [5, с. 119]. Действительно, декларирование идей БхГ в контексте развития освободительного движения могло иметь ряд причин. Во-первых, БхГ была единственным произведением, хорошо известным самым широким слоям населения; во-вторых, она предоставляла широкие возможности для своего толкования, в связи с чем обладала спо-

¹ Индийский ренессанс – направление в индийской культуре, возникшее на рубеже XIX – XX вв. и обусловленное развитием национально-освободительного движения.

собностью примирять враждующие конфессии.

Наконец, важнейшей особенностью БхГ в период индийского ренессанса стала возможность ее толкования с целью оправдания насилия в политической борьбе. Во второй половине XIX в. БхГ превратилась в один из атрибутов противостояния колонизаторам, причем члены тайных экстремистских организаций присягали на верность делу освобождения Индии, держа во время церемонии меч в одной руке и Гиту – в другой [20, с. 53].

Необходимо подчеркнуть, что по отношению к идее ненасилия Вивекананда не предлагает однозначного решения. С одной стороны, он признает традиционный идеал ненасилия, высоко оценивает его значимость, напоминает слушателю, что «все великие учителя говорили: “Не противься злу”» [2, с. 236]. С другой стороны, он сразу же доказывает невозможность следовать этому идеалу, предрекая при условии его выполнения крах всей социальной структуры общества, когда «злые завладели бы нашей собственностью и нашей жизнью и поступали бы с нами по своему усмотрению» [Там же]. Для оправдания насилия Вивекананда обращается не к БхГ, но к «Законам Ману», пункту VIII.350: «Можно убивать, не колеблясь, нападающего убийцу, – [даже] гуру, ребенка, престарелого или брахмана» [4, с. 177]. Пассивное подчинение злу неприемлемо для Вивекананды, такое поведение он открыто называет греховным, нарушающим принципы дхармы.

В этом контексте особого внимания заслуживает его провокационный призыв к индийцам: «Только герои наслаждаются миром!» [16, с. 351], в котором можно усмотреть постулирование в качестве цели жизни каждого жителя Индии как наслаждение покоем, так и наслаждение завоеванной Вселенной в результате обретения над ней власти. Автор склонен видеть в его словах первую цель, так как именно она в тот момент диктуется историческими обстоятельствами, в который помещен народ Индии.

Отметим, что в основе антитезы «насилие – ненасилие» у Вивекананды лежит присущая его учению идея необходимости соблюдения баланса сил добра и зла. Он подчеркивает, что «крайности всегда похожи друг на друга» [2, с. 237], и различие между противлением и непротивлением злу находчиво иллюстрирует примером звуков высокой и низкой частоты, которые мы одинаково не можем слышать. Истинно соблюдать идею ненасилия, утверждает он, может лишь тот, кто, обладая силой сопротивления, может отречься от нее.

Несмотря на общеиндийскую тенденцию обращаться к БхГ в целях апологетики методов освободительного движения, Вивекананда придает поэме гораздо большее значение. Он ставит БхГ выше остальных традиционных текстов, на которые опирались индийские даршаны, утверждая, в частности, что БхГ – «высший авторитет в веданте» [12, с. 57]. По его мнению, БхГ также выступает в роли ком-

ментария к Ведам, причем лучшего комментария, по его заявлению, не может быть создано [15, с. 159]. Примечательно, что Вивекананда не уделяет должного внимания времени и месту возникновения БхГ. Эти подробности он снисходительно называет «забавой для ученых», считая, что «нет никакой надобности знать, родился ли Кришна в Матхуре или Врадже, ни того, что он всю жизнь делал, ни точного времени, когда он проповедовал учение Гиты» [2, с. 309], такие знания нисколько не умаляют ценности уроков БхГ. В этих утверждениях звучит желание Вивекананды оградить священное писание индийцев от его бесстрастного «препарирования» со стороны западных ученых.

Идея пробуждения Индии

Акцент комментатора на тех или иных идеях БхГ объясняется, как правило, его мировоззренческими взглядами. Так, поставив своей главной жизненной задачей пробуждение национального сознания Индии, Вивекананда сосредотачивает внимание именно на тех стихах БхГ, где тезисы пробуждения звучат наиболее отчетливо. Эти тезисы он находит в обращении Кришны к Арджуне в стихах 2.2 и 2.3:

Как у тебя в беде такое смятенье
возникло:

Оно для арийца позорно, лишает
блаженства, к бесчестью ведет, Ар-
джуна,

Малодушию не поддавайся,
Партха, это тебя недостойно!

Покинув ничтожную слабость
сердца, восстань, подвижник!¹.

Эти стихи Вивекананда объявляет ключевыми для всей поэмы, говоря, что в них «заключено все послание Гиты» [13, с. 110]. Примечательно, что интерпретация этого послания обретает в выступлениях Вивекананды нарочито пафосный характер, способный донести идеи возрождения до широкого круга слушателей: «Возвещай всему миру трубным голосом: “Нет в тебе греха, нет в тебе несчастья; ты – вместе с тобой всемогущей силы”. Встань, пробудись и прояви Божественность внутри!» [Там же].

Невольно возникает вопрос: стала ли БхГ источником происхождения идеи «пробуждения Индии» у Вивекананды, или в поэме он увидел лишь возможность донести свое послание до широких масс населения своей страны? Можно лишь констатировать тот факт, что большинство выступлений Вивекананды пронизано призывом «Встань и пробудись!», который наделяется автором тем или иным смыслом, в зависимости от того, к кому он адресован: народу Индии или всему человечеству.

Необходимо вспомнить, что к населению Индии Вивекананда обратился только после своего возвращения из США и Европы в 1897 г., когда весь мир уже признал в нем талантливого оратора и влиятельную политическую персону. Но именно бедствия

¹ Здесь и далее приведен литературный перевод БхГ Б. Л. Смирнова.

родного народа стали причиной формирования его учения, важной частью которого выступала идея возрождения Индии.

Индия, по мнению Вивекананды, не смогла противостоять колонизаторам из-за односторонности развития, ее жители были малодушны, слабы и бездеятельны [16, с. 345]. Единственный выход из этого положения – следовать призыву Кришны, который говорил: «Всегда работайте с большим энтузиазмом, разите своих врагов и наслаждайтесь миром» [Там же, с. 356]. Вивекананда замечает, что по этим наставлениям живет процветающая западная цивилизация, а «то, что проповедовали Христос и Кришна, поменялось местами» [Там же, с. 357].

Пробуждение Индии тесно связано с высшей идеей спасения всего мира, которую Вивекананда транслирует через лозунг: «Встань, Индия, и завоюй мир своей духовностью!» [15, с. 175]. Исследователь индийской философии Т. Г. Скороходова видит в этом призыве два смысла: «противопоставление духовности индуизма милитаризму, войнам и завоеваниям <...> Запада, и идею духовного покорения мира» [8, с. 112]. Однако Вивекананда не может не осознавать, что до высшей цели еще далеко, и на первоначальном этапе ее реализации он ставит Индию в положение Арджуны [17, с. 94], который собрался опуститься до уровня слабого человека, но прислушался к словам Кришны и выиграл битву.

Отметим, что идея пробуждения Индии обретает у Вивекананды (кроме традиционной духовной стороны) и физическую сторону, что становится смелым заявлением для того времени. Развитие физической силы для индусов, по его мнению, очень важно для процветания государства. Эту мысль он доносит через противоречивый призыв: «Вы будете ближе к небесам через футбол, чем через изучение Гиты» [15, с. 140]. В этом же контексте звучит еще один афоризм Вивекананды: «Вы лучше поймете Гиту, когда ваши мышцы станут сильнее» [Там же, с. 140]. Эти емкие и меткие тезисы, провозглашенные в выступлениях из цикла «Лекции от Коломбо до Алморы», были призваны поднять боевой дух индийцев и быстро облетели всю Индию.

Как было отмечено, призыв «Встань и пробудись!» настолько проник в учение Вивекананды о духовном возрождении Индии, что превратился в девиз всего его творчества. Вивекананда проводит множество лекций по философии веданты в США и Европе, где среди его слушателей – представители цивилизации с чуждым индийцу менталитетом. И если, по его мнению, население Индии нуждается в укреплении боевого духа для улучшения материального благополучия, то западным жителям необходимо работать над нравственными основами существования. Крайне нелицеприятно он описывает образ европейца как «жестокоего, подобно диким зверям, <...> похотливого, насквозь пропитан-

ного вином, не имеющего представления ни о целомудрии и чистоте, ни о благородных поступках и привычках, верующего только в материальное, имеющего цивилизацию, основанную только на материи, ... чей Атман – это тело, чья жизнь – только в чувствах и создании комфорта» [16, с. 346], хотя и признавая поверхностность этого образа, но и не лишая его некоторой доли истинности. Мы находим в этих нелестных для западного жителя эпитетах не столько четкое очерчивание Вивеканандой своей очевидной восточнo-центричной позиции, сколько очередной порыв поднять низкую самооценку своих соотечественников, тем более что высказывание принадлежит циклу его выступлений после его возвращения в Индию.

Для иллюстрации идеи пробуждения Вивекананда предлагает представить человечество как «собрание людей, замерзающих в снегу»: они замерзают, но не хотят просыпаться, и в результате во сне неизбежно умирают [2, с. 510]. Человек должен побороть этот губительный сон, и данная задача становится для Вивекананды смыслом человеческого существования.

Ключ к исправлению искаженной человеческой природы для обеих цивилизаций, по мнению Вивекананды, следует искать в идеях веданты. И в этом контексте он ставит своей целью «проповедовать человечеству его божественность и сделать ее проявленной в каждом движении жизни» [11, с. 498]. Под пробуждением он понимает осознание в себе Атмана:

«Проснитесь, проснитесь, великие! <...> Будем звать и звать, пока спящие боги не проснутся, пока Бог внутри не ответит на зов» [Там же, с. 498]. Главным корнем зла Вивекананда считает невежество, мешающее человеку видеть истинную суть всех вещей. К его полному уничтожению приведет только проявление Атмана, когда «наука, философия и все остальное будет легко освоено». Но для этого, по мнению Вивекананды, требуются недюжинные усилия, поэтому он не устает призывать, вторя Кришне: «Встаньте, пробудитесь и не останавливайтесь, пока цель не будет достигнута!» [9, с. 138].

Синтез учений в БхГ

Несомненно, уже одна лишь идея пробуждения нации, найденная Вивеканандой в «библии индуизма», оправдывает его утверждение авторитетности БхГ, но Вивекананда не останавливается на этом, а выделяет еще две значимые особенности поэмы: «примирение разных путей Дхармы и работа без страсти и привязанности» [13, с. 107].

В своем учении Вивекананда выделяет четыре вида йоги: карма-йогу, бхакти-йогу, джняна-йогу и раджа-йогу, им он посвящает одноименные циклы лекций. Однако, по его представлению, существует три главных пути йоги: действия, знания и любви, и все они одинаково признаются им «правомерными» [5, с. 120]. Примечательно, что они соответствуют путям, описанным Кришной в БхГ. Вивекананда говорит, что «автор Гиты

стал первым, кто постарался примирить» конкурирующие направления йоги, но тут же отдает дань своему учителю, признавая, что идею полного согласования «непримиримых» путей он почерпнул у Рамакришны Парамхамсы [13, с. 107]. Бесспорной заслугой Вивекананды является популяризация идеи синтеза путей йоги, ведь именно благодаря его авторитетному имени она окончательно приобрела классическую форму и доминирует в работах современных учителей йоги.

Известный индийский историк философии С. Радхакришнан отмечает наличие противоречивых взглядов на цель освобождения в БхГ и приводит несколько мнений ученых, по-разному объясняющих тот факт, что она не связана с определенной доктриной. В их числе он называет и воздействие разных авторов на текст поэмы, и то, что БхГ является отдельной упанишадой, приспособленной к культу Кришны, и др. [7, с. 452]. Но мы склонны принять его точку зрения, согласно которой БхГ представляет собой попытку синтеза истин упанишад «в новой ситуации, возникшей в эпоху Махабхараты», с целью приспособить абсолют упанишад к практическим нуждам индийского народа [Там же].

Правомерность разных путей йоги Вивекананда подтверждает тезисом о соответствующих им типах людей, которых он называет «философами, молящимися и работниками» [2, с. 271]. Эти типы людей используют разные методы для достижения одной и той же цели: свободы души [Там же,

с. 249]. Примечательно, что принадлежность данным типам он иллюстрирует на примерах Будды, который следовал путем знания, достигнув освобождения посредством медитации, и Христа, шедшего по пути бхакти-йоги с помощью молитвы. В другой беседе он приводит в качестве примеров реальных людей: своего наставника Рамакришну, называя его «бхакти вовне и джняни внутри» в противоположность своей собственной натуре, являющейся «бхакти» внутри [18, с. 292], тем самым размывая границы между направлениями йоги.

Важным следствием идеи синтеза видов йоги можно считать у Вивекананды синтез направлений веданты. Значимость данной цели он подчеркивает заявлением о том, что выявление единства трех типов веданты – адвайта-веданты, вишишта-адвайты и двайты – одна из главных задач его жизни [19, с. 304]. Он объявляет их этапами на пути к освобождению, причем адвайта, как следует ожидать, является высшим этапом. Для пояснения этой идеи Вивекананды В. С. Костюченко предлагает представить адвайту в центре воображаемого круга, а двайту и вишишта-адвайту вообразить некими ступенями на пути к центру, так как все они есть «проявления одной и той же истины» [2, с. 545].

От единства типов веданты Вивекананда переходит к формированию концепции так называемой «универсальной религии», которую В. С. Костюченко вполне справедливо считает утопичной [5, с. 92]. Все религии рас-

полагаются в упомянутом выше круге в виде таких же промежуточных ступеней, как и направления веданты. Важно отметить, что БхГ снова выступает базисом этой концепции, так как Вивекананда говорит, что именно в ней «религиозные истины собраны и сведены в одно место» и в целом составляют «род букета» [2, с. 493]. Среди множества значений такого всестороннего синтеза учений БхГ отметим укрепление одной из сторон идеологии национального самосознания в деятельности Вивекананды, которая требует уничтожения границ между многочисленными религиозными конфессиями Индии.

Хотя синтез путей йоги представляется важной частью учения Вивекананды, нельзя не заметить, что он явно отдает предпочтение одному из них – пути действия.

Особенности понятия карма-йоги

В. С. Костюченко приводит убедительные аргументы в пользу того, что из трех видов йоги в БхГ центральное место занимает карма-йога [6, с. 73]. Он также считает, что именно Вивекананда был первым комментатором БхГ, придавшим приоритет карма-йоге [Там же, с. 167], и это вполне объяснимо, так как с таким приоритетом вполне согласуется активно продвигаемая им концепция пробуждения Индии.

Выступая перед своим народом, Вивекананда с горечью признает, что, несмотря «на хваленое наследие

наших мудрецов», мы все же «очень и очень слабы» [15, с. 139]. «Мы ленивы и не умеем работать», – говорит он, но это необходимо искоренить, как учат священные писания. Так, согласно Вивекананде, «в БхГ постоянно повторяется, что все мы должны неустанно работать» [2, с. 247], что является одним из основных тезисов карма-йоги.

Вивекананда рисует образ истинного карма-йогина, разделяя людей на четыре типа: тех, кто делает зло другим ради зла, делает зло другим ради своего блага, делает добро другим без нанесения ущерба себе, делает добро другим даже в ущерб себе. Первый и последний типы – как и всякого рода крайности – самые редкие. Упомянув о первом типе людей, Вивекананда ссылается лишь на творчество «одного санскритского поэта» [Там же, с. 207], однако он необходим мыслителю для четкого изображения образа четвертого типа, который связан с понятием самоотречения и является собой высшую степень развития личности.

В этом отношении интересно понять, к какой категории людей Вивекананда отнес бы Арджуну, мотивацию которого он представляет несколько иначе, чем другие комментаторы. Так, когда во 2-й главе БхГ Арджуна отказывается сражаться в бою, чтобы не убивать родственников и близких людей, Вивекананда видит в его отказе не любовь, а страх и лицемерие. Еще одна весомая причина не вступать в бой Арджуне – «непротивление злу как величайший идеал люб-

ви» [Там же, с. 327] – также не принимается Вивеканандой для оправдания воина на поле боя. Автор комментария утверждает, что Арджуна испугался, увидев «перед собой ряд мощных противников», более того, он забыл свой долг перед страной. Поэтому Кришна в стихе 2.11, по мнению Вивекананды, фактически считает его лицемером, произносящим мудрые слова, но, в сущности, выказывающим трусость:

Ты мудрую речь говоришь, а сожалеешь о тех, кому сожаленья не надо:

Познавшие не скорбят о живых, ни об ушедших.

Говоря об Арджуне, не стоит забывать, что Вивекананда тоже происходит из касты каястха, членов которой в Бенгалии относили к кшатриям [5, с. 43]. Нам представляется, что его кшатрийская кровь играет далеко не последнюю роль в разжигании его неутомимого боевого духа, и здесь же лежит причина его негативного отношения к поведению Арджуны на поле боя. Поведение Арджуны, на наш взгляд, совсем не согласуется с идеалом карма-йоги, который характеризуется в первую очередь мощной силой воли и совершенным самоотречением [2, с. 276]. Зато все качества этого идеала явно воплощает в себе личность самого Вивекананды.

Раскрывая многочисленные аспекты карма-йоги, Вивекананда не отходит от ее традиционного толкования, отмечая в основе этого понятия два главных принципа: безупречное и бес-

корыстное выполнение работы. Эта идея, по его убеждению, пронизывает БхГ: «работайте неустанно, но не будьте привязаны к работе» [Там же, с. 248]. Данное утверждение он обосновывает словами Кришны из стиха 3.22:

Нет ничего в трех мирах, что надлежало б мне сделать, Партха,

Нет цели, которой бы я не достиг, и все ж я дела совершаю.

Кроме двух указанных принципов йоги действия, Вивекананда подчеркивает необходимость «бесстрастия и полной отрешенности при выполнении своей жизненной задачи» [Там же, с. 272]. Но если первые принципы соблюдаются им в полной мере, то его многолетнюю активную деятельность по возрождению индийской нации сложно назвать бесстрастной и отрешенной, ибо в ее основе лежит боль за судьбы жителей Индии. Необходимо отдать должное Вивекананде: его выступления не голословны, он делает все возможное, чтобы перевести абстрактную идею карма-йоги в практическую плоскость.

В разработанной Вивеканандой социальной программе особенно интересен проект просветительской деятельности. В письме своему последователю Аласингу Перумалу он четко постулирует план действий по просвещению неграмотного населения Индии: «Попробуйте собрать фонд, купить волшебные фонари¹, карты,

¹ Волшебный фонарь – проекционный аппарат, популярный в XVII – XX вв.

глобусы и т. д., а также некоторые химикаты. Собирайте каждый вечер толпу бедных, даже париев, и сначала прочтите им лекцию о религии, а затем научите их с помощью волшебного фонаря и других вещей астрономии, географии и т. д.» [10, с. 29]. Там же он подчеркивает, что издательская деятельность хотя и необходима, но вторична, но просветительская – первична. Отметим, что данный проект представляется явно бесперспективным, однако нельзя не признать его смелость и креативность.

Еще одну оригинальную трактовку в рамках идеи карма-йоги можно найти в комментариях Вивекананды стиха 3.35, затрагивающего понятие свадхармы, традиционно означающего правила поведения человека в зависимости от его жизненной стадии и социальной группы: «Свой долг, хотя бы несовершенный, лучше хорошо исполненного, но чужого, лучше смерть в своей дхарме, чужая дхарма опасна».

Это понятие Вивекананда связывает с одним из основных постулатов своего учения – сохранением национальных традиций Индии. Он говорит, что каждая нация имеет свое понимание блага, т. е. «добро для того, кто стремится к мокше, есть одно, а для того, кто ищет дхарму, – другое» [16, с. 349]. В основе различий восточных и западных жителей лежит принцип, согласно которому для индийца «главная идея – это мукти, для западного человека – это дхарма». Причем дхарма для западных людей есть то, что «направляет работу, понуждает че-

ловека <...> стремиться к счастью» [Там же].

Индийцы же, по утверждению Вивекананды, понимают, что «счастье в этом мире есть рабство», поэтому должны стремиться к мукти – окончательному освобождению. Он с гордостью подчеркивает, что «путь мокши встречается только в Индии и нигде более» [Там же]. Так Вивекананда в очередной раз акцентирует внимание на уникальности индийской нации и необходимости ее сохранения.

Итак, комментарии Вивекананды к БхГ в той же мере пронизаны основными тезисами его учения, в какой само учение впитало в себя содержание древнеиндийской поэмы. Автор акцентирует особое внимание на идеях пробуждения индийского народа, недопустимости его бездействия во всех жизненных сферах, сохранения национальных традиций, и все эти идеи естественно формируются на фоне противостояния введению английских порядков, которые пропагандируются в то время либеральным направлением в политике страны. Еще одна отличительная особенность его комментариев к БхГ – их эмоциональная выразительность, насыщенность емкими, порой неожиданными, но содержательными тезисами, направленными на вполне конкретную целевую аудиторию, что обуславливает их художественную ценность. В целом Вивекананда не искажает концепций БхГ, но придает им яркую окраску идеологии национально-освободительного движения.

Библиографические ссылки

1. Бхагавадгита / пер. с санскрита, предисл., примеч. и толковый слов. Б. Л. Смирнова. Ашхабад : Ылым, 1978. 257 с.
2. Вивекананда С. Карма-йога // Философия йоги / С. Вивекананда; отв. ред. М. Яновская. М. : Эксмо, 2007. С. 229 – 293.
3. Волгина Е. В. От оптимизма к разочарованию: эволюция отношения индийского философа Свами Вивекананды к Западу // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3(60). С. 161 – 178.
4. Законы Ману / пер. с санскрит. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. Ф. Ильиным. М. : Вост. лит., 1960. 355 с.
5. Костюченко В. С. Вивекананда. М. : Мысль, 1977. 190 с.
6. *Его же*. Классическая веданта и неоведантизм. М. : Мысль, 1983. 272 с.
7. Радхакришнан С. Индийская философия : пер. с англ. М. : МИФ, 1993. Т. 1 – 2. 624 с.
8. Скороходова Т. Г. Философия возрождения Индии : Социальная мысль Свами Вивекананды в лекциях «От Коломбо до Алморе» // Восток (ORIENTS). 2019. № 3. С. 104 – 121.
9. Vivekananda Swami. Conversations and Dialogues // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1964. Vol. 7. P. 107 – 267.
10. Vivekananda Swami. Epistles – First Series // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1919. Vol. 5. P. 1 – 114.
11. Vivekananda Swami. Epistles – Third Series // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1964. Vol. 7. P. 439 – 523.
12. Vivekananda Swami. Inspired Talks // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1964. Vol. 7. P. 1 – 106.
13. Vivekananda Swami. Lectures and Discourses // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1955. Vol. 4. P. 63 – 252.
14. Vivekananda Swami. Lectures and Discourses // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1947. Vol. 8. P. 1 – 122.
15. Vivekananda Swami. Lectures from Colombo to Almora. Calcutta : Advaita Ashrama, 1918. 360 p.
16. Vivekananda Swami. Writings: Prose and Poems // The Complete Works of Swami Vivekananda in nine volumes. Calcutta : Advaita Ashrama, 1919. Vol. 5. P. 331 – 439.

17. Nadkarni M. V. The Bhagavad-Gita For The Modern Reader: History, interpretations and philosophy. New York : Routledge, 2017. 309 p.

18. Nivedita. Notes of Some Wanderings with the Swami Vivekananda // The Complete Works of Sister Nivedita. Calcutta : Ramakrishna Sarada Mission, 1967. 540 p.

19. Nivedita. The Master as I Saw Him: Being pages of the life of the Swami Vivekananda. London and New York : Longmans, Green and Co, 1910. P. 277 – 372.

20. Purani A. B. The Life of Sri Aurobindo. Sri Aurobindo Ashram, 1978. 440 p.

L. E. Zhukova

«BHAGAVAD GITA» AS A SOURCE OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF SWAMI VIVEKANANDA

The article is devoted to the analysis of the religious and philosophical ideas of the philosopher of the Bengali Renaissance, Swami Vivekananda, formed by him on the basis of the ancient Indian poem «Bhagavad-gita». The sources for study were Vivekananda's lectures on the poem and compilations of his works collected and published by his followers. The result of the research is the detection of the tendency to attribute the ideology of the National Liberation Movement of India to the commentaries on the ancient Indian text.

Keywords: Indian philosophy, Bengali Renaissance, Bhagavad-Gita, epic, Vivekananda, yoga.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

ЖУКОВА Любовь Евгеньевна – кандидат экономических наук главный государственный налоговый инспектор Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 6, г. Москва
zhukowa@yandex.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
victor-n1962@mail.ru

МИТЮКОВ Николай Витальевич – доктор технических наук, доцент ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, г. Ижевск
Nico02@mail.ru

МУРАТОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
mouratova@tut.by

МЫЦ Виктор Леонидович – кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник сектора архитектурной археологии
Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург
vic.mytz@yandex.ru

ПРОХОРОВ Михаил Федорович – доктор исторических наук
профессор Института туризма и гостеприимства филиала Российского
государственного университета туризма и сервиса, г. Москва
2210. mfp@mail.ru

ЯРКОВ Александр Павлович – доктор исторических наук
профессор Тюменского государственного университета, г. Тюмень
ayarkov@rambler.ru